Девушка и ночь

Автор:
Гийом Мюссо

Девушка и ночь

Гийом Мюссо

Поединок с судьбой

Декабрь 1992 года.

При таинственных обстоятельствах прямо из кампуса престижного лицея исчезает студентка – Винка Рокуэлл. Говорят, она сбежала с Алексисом Клеманом, преподавателем, в которого, по слухам, была влюблена. И только несколько человек знают страшную тайну: Винка не могла сбежать с Клеманом, потому что той же ночью его убили.

Май 2017 года.

Лицей празднует юбилей. Писатель Тома Дегале приезжает в-родной город на встречу выпускников. Вот уже 25 лет ему не дает покоя тайна исчезновения Винки, в которую он был влюблен. И еще ему не дают покоя муки совести – он лучше других знает, при каких обстоятельствах был убит Клеман. И совсем не хочет, чтобы эти обстоятельства стали кому-то известны.

В ночь с 13 на 14 мая Тома разгадает тайну, которая четверть века не давала ему покоя, правда, очень дорогой ценой.

Гийом Мюссо

Девушка и ночь

Guillaume Musso

La jeune fille et la nuit

Copyright © Calmann-Levy, 2018.

© И. Алчеев, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Флоре – в память о наших беседах той зимой за бутылочкой в четыре утра…

Загадка ночи не разрешена. И как же пережить ее тогда?

Анри Мишо

Тропа контрабандистов

Девушка:

Поди, поди ты

С глаз моих долой, безносая плутовка!

Я молода еще, поди ж ты прочь!

Смерть:

Дай руку мне, о нежное,

Прелестное созданье!

Подругой буду я твоей, тебе со мною

Нечего бояться. Уж ты поверь!

Я страх твой мигом утолю.

В руках моих ты сном забудешься

Смиренным.

Маттиас Клаудиус. Девушка и смерть

2017 год

Южная оконечность мыса Антиб. 13 мая.

Манон Агостини, сотрудница муниципальной полиции, поставила служебную машину, старенький «Кангу», в самом конце дороги Ла-Гаруп и захлопнула дверцу, проклиная в душе обстоятельства, которые заставили ее здесь оказаться.

Часов в девять вечера охранник одного из роскошных особняков на мысе позвонил в комиссариат Антиба и сообщил не то про взрыв петарды, не то про выстрел – словом, про какой-то странный шум, прогремевший на каменистой дороге, пролегающей вдоль парка в поместье. В комиссариате не придали большого значения звонку и перенаправили его в муниципальную полицию, а там не нашли ничего лучше, как связаться с ней, хотя она уже ушла с работы.

Когда позвонил начальник и попросил ее глянуть, что там стряслось на прибрежной дороге, Манон уже надела вечернее платье и была готова выйти из дома. Она с радостью послала бы начальника куда подальше, но отказать в просьбе не смогла. Тем утром добряк-начальник разрешил ей взять служебный «Кангу» после работы. Личная машина Манон приказала долго жить, а этим

субботним вечером колеса были ей нужны позарез: она собиралась на важную встречу.

Лицей Сент-Экзюпери, где она когда-то училась, праздновал свой пятидесятилетний юбилей, по этому случаю там устраивали вечер, и на торжество должны были прийти ее бывшие однокашники. В глубине души Манон надеялась повидаться с парнем, который в свое время был к ней неравнодушен. Он был не похож на других, но в ту пору она его попросту не замечала, предпочитая ему ребят постарше, хотя те, как выяснилось, все до одного были беспросветными кретинами. В этой надежде не было ни капли благоразумия: Манон даже не знала точно, будет ли тот парень на предстоящем вечере – он наверняка про нее уже и думать забыл. Но ей очень хотелось верить, что в ее жизни наконец что-то случится. Маникюр, прическа, беготня по магазинам – всю вторую половину дня Манон кружилась как белка в колесе. Три сотни евро она ухлопала на прямое темно-синее платье из шелкового трикотажа с кружавчиками, у сестры позаимствовала жемчужное ожерелье, а у лучшей подруги – замшевые туфли-лодочки от Стюарта Вайцмана, которые были той маловаты.

Манон включила телефонный фонарик и прямо так, на высоких каблуках, двинулась по узкой дорожке, тянувшейся километра два с лишним вдоль побережья до виллы Эйленрок. Она хорошо знала это место. Еще девчонкой отец приводил ее рыбачить в здешних бухточках. Когда-то местные называли эту дорогу тропой таможенников или контрабандистов. А потом в туристических справочниках она уже появилась под другим, более красочным названием: «тропа Тир-Пуаль[1 - Tire-Poil – буквально «Охочие до поживы» (фр.). Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.]». В наши дни название ее как-то обесцветилось, лишилось оригинальности – и она стала просто прибрежной дорожкой.

Метров через пятьдесят Манон наткнулась на ограждение с предупреждающей табличкой: «Опасная зона: проход закрыт!» В середине недели бушевал сильный шторм. Сокрушительные удары волн вызвали оползни – местами было не пройти.

Недолго думая Манон решила перелезть через ограду.

1992 год

Южная оконечность мыса Антиб

1 октября.

С радостным сердцем Винка Рокуэлл шла порхающей походкой мимо пляжа Жольетт. Было десять часов вечера.

Чтобы добраться сюда из лицея, ей удалось уговорить подружку из подготовительных классов, у которой был мотороллер, подбросить ее до дороги Ла-Гаруп.

Выйдя на Тропу контрабандистов, она почувствовала невероятное воодушевление. Алексис… Она спешила вернуть свою любовь!

Хотя ветер валил с ног, ночь стояла чудесная, на небе ни облачка, и видно было почти как днем. Винка просто обожала этот уголок: он выглядел диким и совсем не походил на затасканный образ Французской Ривьеры в летнюю пору. В солнечном свете желтовато-белый блеск известняковых скал и переливающаяся бесконечными оттенками лазурь бухточек завораживали. Как-то раз, бросив взор в сторону Леринских островов, Винка даже разглядела дельфинов.

А в сильный ветер, как нынче вечером, кругом все менялось до неузнаваемости. Крутые скалы становились опасны, оливковые деревья и сосны, казалось, корчились от боли и будто пытались вырваться из земли с корнями. Но Винке все было нипочем. Ей надо было вернуть свою любовь.

2017 год

Фу-ты черт!

Каблук у одной туфли Манон с треском подломился. Что за напасть такая! Вместо того чтобы отправиться прямиком на вечер, придется вернуться домой, а завтра получить разнос от подруги. Она скинула туфли, сунула их в сумочку и пошла дальше босиком.

Она все шла по узенькой бетонной дорожке, тянувшейся вдоль скального отвеса. Воздух был чистый, бодрящий. Мистраль расчистил ночное небо, и оно озарилось мириадами звезд.

За крепостными стенами Старого Антиба открывался потрясающий вид на Ниццкую бухту и подступающие к ней горы. За укрытием из сосен ютилось несколько самых прекрасных поместий на Лазурном Берегу. Было слышно, как внизу пенятся волны, обрушивая на берег всю свою силу и мощь.

В былые времена в этих краях случались весьма трагические события. Волны уносили в море рыбаков, туристов и уединявшихся на морском берегу влюбленных. Под огнем критики властям пришлось обезопасить дорожку – построить каменные лестницы, разметить ее указателями и оградить барьерами, дабы любителям походов неповадно было подходить слишком близко к краю обрыва. Однако стоило разгуляться ветру, как через какую-нибудь пару часов эта живописная местность снова становилась чрезвычайно опасной.

Манон добралась как раз до недавно рухнувшей алеппской сосны, сокрушившей ограждение и перекрывшей проход. Идти дальше было невозможно. Манон решила повернуть обратно. Кругом не было ни души, мистраль распугал всех охотников до пеших прогулок.

Уноси-ка ты отсюда ноги, девочка!

Она остановилась и стала прислушиваться к вою ветра. В нем слышалась как будто жалоба, близкая и вместе с тем далекая. И глухая угроза.

Прямо так, босиком, она вскарабкалась на скалу, чтобы обогнуть препятствие, и, подсвечивая себе фонариком телефона, служившим ей единственным источником света, двинулась дальше.

Внизу, под скалой, громоздилась какая-то темная куча. Манон прищурилась. Нет, слишком далеко – ничего не разглядеть. Она попробовала спуститься, глядя в оба. Послышался треск. Порвалась кружевная оборка платья, но она не обратила на это внимания. Ее взгляд был направлен на ту странную кучу. Это было тело. Труп женщины, брошенный среди скал. Чем ближе она к нему подбиралась, тем сильнее ее сердце сжималось от страха. Это был не несчастный случай. Лицо у женщины было размозжено и представляло собой сплошное кровавое месиво.

Бог ты мой! Манон почувствовала, что ноги ее совсем не держат и она вот-вот упадет. Она включила телефон, чтобы вызвать подмогу. Связи не было, но на экране высветилась надпись: «Только срочные вызовы». Манон собралась было нажать кнопку автоматического вызова и тут вдруг сообразила, что она здесь не одна. Чуть в стороне сидел какой-то мужчина, весь в слезах. Он сокрушенно рыдал, обхватив лицо руками.

Манон не на шутку испугалась. Сейчас она горько пожалела, что не прихватила с собой никакого оружия. Она осторожно подошла ближе. Мужчина выпрямился. И, когда он вскинул голову, Манон его узнала.

– Это сделал я, – сказал он, указывая на мертвое тело.

1992 год

Грациозно и легко Винка Рокуэлл перепрыгивала с камня на камень. Ветер крепчал. Но Винке нравилось все это. Волны, опасность, пьянящий морской воздух, головокружительные отвесы. Ничто в жизни не волновало ей кровь так, как встреча с любимым человеком. Глубокое, полное помрачение. Слияние тел и душ. Даже если бы она прожила сотню лет, ничто не могло бы сравниться с тем воспоминанием. Надежда снова увидеться, пусть тайком, и соединиться со своей любовью среди скал будоражили ее воображение.

Она чувствовала, как ее целиком обволакивает теплым ветром – он обдувает ей ноги, вздымает полы платья, будто предвещая, что впереди ее ждет вожделенное единение тел. Сердце бешено стучит, волна жара подхватывает и качает, кровь пульсирует, безудержный трепет охватывает каждую частицу тела.

Алексис… Ей надо было вернуть свою любовь. В глубине души Винка понимала, что ведет себя глупо и все это не к добру. Но всепоглощающую радость этого мгновения она не променяла бы ни на что на свете. Ожидание, безумная любовная страсть, мучительное наслаждение ночного плена.

– Винка!

На фоне ясного неба, озаренного лишь светом полной луны, вдруг возник силуэт – Алексис. Винка сделала два-три шага навстречу тени, возникло чувство близкого наслаждения. Сильного, жгучего, неистового. Тела слились и растворились. Гомон чаек заглушил крики. Судороги, валящий наземь взрыв, слепящая белая вспышка, испепеляющая, обращающая в прах все существо.

– Алексис!

Внутренний голос снова шепнул Винке, что это не к добру. Но ей было наплевать на будущее. Любовь – это все или ничего.

Важно только настоящее мгновение.

Обжигающее, отравляющее искушение ночи.

Вчера и сегодня

(«НИС – МАТЕН» – понедельник, 8 мая 2017 года)

Международный лицей Сент-Экзюпери празднует 50-летие

В предстоящие выходные в ведущем учреждении – технопарке «София-Антиполис» готовятся задуть 50 свечей.

Этот международный лицей был основан в 1967 году Французской светской миссией с целью обеспечения школьным образованием детей, оказавшихся за границей, и представляет собой не совсем обычное учебное заведение на Лазурном Берегу. Он стал известен благодаря высочайшему уровню преподавания, а обучение там проводится на иностранных языках. На двуязычных отделениях лицея, где сегодня обучается около тысячи французских и иностранных школьников, выдаются международные аттестаты.

Торжественные мероприятия начнутся в пятницу 12 мая со дня открытых дверей, в течение которого учащиеся и педагогический состав лицея представят свои творческие проекты – фото, фильмы и театральные постановки, – приуроченные к этому знаменательному событию.

Праздник продлится до полудня следующего дня и завершится коктейлем, на который соберутся бывшие ученики и преподаватели лицея. Во время этой церемонии заложат первый камень нового корпуса, названного «Стеклянной башней»: это шестиэтажное здание будет воздвигнуто на месте нынешнего спортивного корпуса, который предполагается снести в самое ближайшее время. В новом сверхсовременном комплексе, кроме того, разместятся подготовительные классы для желающих поступать в высшие учебные заведения. В конце того же дня, на вечере выпускников все, кто окончил лицей в 1990–1995 годах, удостоятся чести стать последними посетителями старого спортивного корпуса.

Директор лицея г-жа Флоранс Гирар надеется, что по случаю юбилея на торжество соберется рекордное число гостей. «Я сердечно приглашаю всех бывших учеников и членов педагогического состава разделить вместе с нами этот миг единения. Свободный обмен мнениями, встречи после разлуки и воспоминания подскажут нам и помогут понять, откуда мы и куда держим путь», – продолжала директор свою несколько сумбурную приветственную речь, после чего уточнила, что специально по этому случаю в «Фейсбуке» была создана отдельная группа.

Стефан Пьянелли

Вечно молодая

1. Вишневая кока-кола

Когда сидишь в самолете, который вот-вот разобьется, незачем пристегиваться – бесполезное дело.

Харуки Мураками

1

«София-Антиполис»

Суббота, 13 мая 2017 года

Я припарковал взятую напрокат машину под соснами возле автозаправки, в трех сотнях метров от входа в лицей. Приехал я прямиком из аэропорта, с рейса Нью-Йорк – Ницца, так и не сомкнув глаз за весь перелет.

Получив накануне по почте статью, посвященную пятидесятой годовщине моего бывшего лицея, я спешно покинул Манхэттен. Конверт со статьей мне отправил через почтовое отделение моего издательства Максим Бьянкардини, мой старый добрый друг, с которым мы не виделись целых двадцать пять лет. В конверт он вложил и номер своего мобильного телефона, но набрать его я не решался, пока не понял, что теперь мне не отвертеться.

– Читал статью, Тома? – спросил он меня без околичностей.

– Поэтому и звоню.

– Знаешь, что это значит?

В голосе его угадывались прежние знакомые интонации, только теперь к ним прибавились незнакомые возбужденность, торопливость и страх.

Я не сразу ответил на его вопрос. Да, я знал, что это значит. Это был конец нашей прежней, так хорошо знакомой жизни. И следующую ее часть нам суждено провести за решеткой.

– Тома, тебе надо приехать на Лазурный Берег, – после короткого молчания выпалил Максим. – Надо придумать, как из этого выкрутиться. Надо что-то делать.

Я закрыл глаза, прикидывая в уме последствия этого дела: масштаб скандала, юридическую подоплеку, неприятности для наших родных.

В глубине души я всегда знал: когда-нибудь этот день все-таки настанет. Я прожил почти двадцать пять лет – вернее, притворялся, что жил, – с дамокловым мечом над головой. Я постоянно просыпался в холодном поту среди ночи, вспоминая те давние события и неизменно думая о том, что однажды все раскроется. По ночам я глотал седативы, запивая их каруидзавой[2 - Сорт японского виски.], но заснуть снова мне редко когда удавалось.

– Надо что-то делать, – твердил свое мой друг.

Я понимал: он тешит себя иллюзиями. Ведь бомбу, грозившую обратить нашу жизнь в прах, мы сами и заложили тогда, декабрьским вечером 1992 года.

И мы оба понимали: обезвредить ее невозможно никакими силами.

2

Я закрыл машину и направился к автозаправке. Это был маленький супермаркет, наподобие американского, который все называли «У Дино». За бензоколонками располагалась крашеная деревянная постройка – здание в колониальном стиле, где помещались магазинчик и уютное кафе с обычной просторной террасой под навесом.

Я толкнул ходящую взад и вперед дверь. Внутри почти ничего не изменилось – время совсем не тронуло это заведение, со всеми его причудливыми особенностями. В глубине магазина, в окружении высоких табуретов, помещалась беленая деревянная барная стойка со стеклянными колпаками в дальнем ее конце, под которыми, точно в ларцах для драгоценных камней, лежали разноцветные пирожные. Оставшуюся часть помещения, как и террасу, занимали диванчики и столики. На стене висели эмалированные таблички с

рекламой старых, ныне уже не существующих торговых марок, а также плакаты с изображениями Ривьеры в «безумные» годы[3 - Имеется в виду период 1919–1929 годов.]. Чтобы вместилось побольше столиков, убрали бильярд с игровыми автоматами, в которых я оставил кучу денег в бытность мою фанатом «Автогонок», «Арканоида» и «Уличного хулигана-2». Остался только настольный футбол – старенький «Бонзини» с протертым чуть ли не до дыр полем.

Я не удержался и погладил футбольный стол из крепкого бука. За этим самым столом мы на пару с Максимом часами напролет снова и снова переигрывали все крупные матчи с участием ОМ[4 - Футбольный клуб «Олимпик Марсель» (сокращенно ОМ).]. На меня потоком нахлынули воспоминания: хет-трик[5 - В футболе три гола, забитые в одном матче одним игроком.] Папена в Кубке Франции 1989 года; игра рукой Ваты в матче против «Бенфики»; удар Криса Уоддла внешней стороной правой стопы в игре против «Милана» в тот достопамятный вечер, когда на стадионе «Велодром» вырубился свет. К сожалению, мы с ним так и не отпраздновали долгожданную победу в Лиге чемпионов в 1993 году. В то время я уже покинул Лазурный Берег – уехал в Париж учиться в коммерческой школе.

Я впитывал в себя атмосферу кафе. Максим был не единственный, с кем я имел обыкновение захаживать сюда после уроков. Самые яркие воспоминания у меня были связаны с Винкой Рокуэлл, девчонкой, в которую я был тогда влюблен. В нее были тогда влюблены все мальчишки. Это было вчера. С тех пор прошла целая вечность.

Направляясь к стойке, я чувствовал, как волосы у меня на руках встают дыбом по мере того, как в голове возникают мгновенные, но все более отчетливые образы. Я вспоминал чистый смех Винки, щелочки между ее верхними резцами, ее воздушные платья, непостижимую красоту, отстраненный взгляд на вещи. Помнится, летом здесь, «У Дино», Винка пила вишневую колу, а зимой заказывала по несколько чашек горячего шоколада с плавающими на поверхности мелкими зефирками.

– Что будете заказывать?

Я глазам своим не верил: в кафе все так же заправляла итало-польская чета Валентини. Глянув на хозяина, я тут же вспомнил его имя. Дино (ну конечно…) оторвался от чистки кофемашины-эспрессо, завязав со мной разговор, а Ханна между тем продолжала листать местную газету. Он раздобрел и полысел, а ее

кожа больше не была золотисто-желтой, и у нее изрядно прибавилось морщин. Впрочем, со временем Дино и Ханна, казалось, стали еще больше подходить друг другу. Сказывался эффект старости – она обесцвечивала слишком яркую красоту и вместе с тем придавала легкий налет лоска самым обыкновенным физическим чертам.

– Мне кофе, пожалуйста. Двойной эспрессо.

Подумав мгновение-другое, я решил окунуться в прошлое, вызвав в памяти призрачный образ Винки:

– И вишневую колу со льдом и соломинкой.

Тут мне показалось, что один из Валентини вроде бы признал меня. Мои родители директорствовали в Сент-Экзе с 1990-го по 1998 год. Отец руководил лицеем, а мать заведовала подготовительным отделением, на основании чего они пользовались служебной жилплощадью на территории кампуса. Поэтому я был здесь частым гостем. В обмен на пару-тройку бесплатных заходов в «Уличного хулигана» я иногда помогал Дино убирать в подвале или готовить его знаменитый замороженный заварной крем, рецепт которого он унаследовал от своего папаши. Покуда его жена все так и сидела, впившись глазами в газету, старый итальянец получил от меня деньги и подал мне напитки, но при этом в его усталом взгляде не мелькнуло ни искорки.

Три четверти зала пустовало, и это было удивительно, тем более для субботнего утра. В Сент-Экзе немало учеников жили при лицее, и в мое время большинство из них оставались там и на выходные. Воспользовавшись этим обстоятельством, я направился к нашему с Винкой любимому столику – последнему, в самом конце террасы, под благоухающими ветвями сосен. Поскольку звезды тяготеют друг к другу, Винка всегда предпочитала сидеть лицом к солнцу. С подносом в руках я сел на свое обычное место – спиной к деревьям. Поставил перед собой чашку с кофе, а стакан с вишневой колой водрузил перед пустовавшим стулом напротив.

Из динамиков лилась старая популярная песня группы R.E.M. «Теряю веру» – слушая ее, многие думали, будто она про религиозную веру, хотя на самом деле в ней говорится про горькую, неразделенную любовь. Про то, как парень в отчаянии кричит любимой девушке: «Эй, гляди, вот он я! Ну почему же ты меня не замечаешь?» В этих словах – вся история моей жизни.

Слабый ветерок слегка трепал ветви деревьев, солнце освещало покрытые пылью половицы. За несколько мгновений случилось чудо, и я перенесся в начало девяностых. Прямо передо мною в пронизывающем ветви деревьев свете возник призрак Винки, и до моих ушей донеслось эхо наших воодушевленных разговоров. Она с увлечением рассказывала мне про «Любовника»[6 - Автобиографическая повесть французской писательницы Маргерит Дюрас (1914–1996), опубликованная в 1984 году.] и «Опасные связи»[7 - Роман в письмах французского писателя Шодерло де Лакло (1741–1803), опубликованный в 1782 году.]. А я в ответ расписывал ей «Мартина Идена»[8 - Роман Джека Лондона, впервые напечатанный в журнальном варианте в 1908–1909 годах и вышедший отдельной книгой в 1909-м.] и «Любовь властелина»[9 - Роман швейцарского писателя Альбера Коэна (1895–1981), изданный в 1968 году.]. За этим же столом мы обычно часами обсуждали фильмы, которые смотрели вечерами по вторникам в кинотеатре «Стар», в Каннах, или в «Казино Антиб». Она была без ума от «Пианино»[10 - Фильм новозеландского кинорежиссера, сценаристки и писательницы Джейн Кэмпион (р. 1954), выпущенный в 1992 году.] и «Тельмы и Луизы»[11 - Фильм британского кинорежиссера Ридли Скотта (р. 1937), вышедший в 1991 году.], а мне нравились «Ледяное сердце»[12 - Фильм французского кинорежиссера Клода Соте (1924–2000), вышедший в 1992 году.] и «Двойная жизнь Вероники»[13 - Фильм польского кинорежиссера Кшиштофа Кесьлевского (1941–1996), вышедший в 1991 году.].

Песня закончилась. Винка надела солнцезащитные очки «Рэй-Бэн», втянула через соломинку глоток колы и подмигнула мне из-за цветных стекол. Ее образ поблек, а потом и вовсе пропал, подведя черту под нашим чудесным отступлением.

Мы уже не томились под беспечным зноем лета 1992 года. Я остался один-одинешенек, мне было грустно и с трудом дышалось после погони за химерами утраченной юности. Я не видел Винку вот уже двадцать пять лет.

Впрочем, ее вообще никто не видел вот уже двадцать пять лет.

3

В воскресенье 20 декабря 1992 года Винка Рокуэлл, девятнадцати лет, сбежала в Париж вместе с Алексисом Клеманом, двадцатисемилетним преподавателем

философии, с которым она поддерживала тайную связь. Последний раз их вдвоем видели на следующее утро в гостинице Седьмого округа, возле базилики Святой Клотильды. Потом все следы их пребывания в столице были потеряны. С тех пор они больше не объявлялись и не связывались ни с друзьями, ни с родными. Они буквально испарились.

Такова официальная версия.

Я достал из кармана статью из «Нис-Матен», которую перечитывал уже раз сто. За внешней обыденностью в ней скрывались сведения, повлекшие за собой драматические последствия, которые ставили под сомнение то, что все уже знали об этом деле. Сегодня принято уповать на правду и открытость, но правда на поверку редко бывает таковой – и в этом конкретном случае она не сулила ни умиротворения, ни безутешной скорби, ни истинной справедливости. Правда обещала только беду, погоню и клевету.

– О, простите, мсье!

Проносясь между столами, неловкий лицеист задел рюкзачком стакан с колой, но я, мгновенно среагировав, подхватил его, не дав разбиться вдребезги. Потом сгреб в кучу салфетки и вытер стол, но колой залило мне брюки. Я прошел через кафе к туалетам. Мне понадобилось добрых пять минут, чтобы оттереть все пятна, и еще столько же времени, чтобы просушить брюки. Лучше было вообще не ходить на встречу бывших учеников, не то все подумают, что я обмочился.

Вслед за тем я вернулся на свое место за пиджаком, висевшим на спинке стула. Глянув на стол, я почувствовал, как у меня заколотилось сердце. В мое отсутствие кто-то сложил вдвое ксерокопию статьи и положил сверху солнцезащитные очки. «Рэй-Бэн Клабмастер» с цветными стеклами. Кто же сыграл со мной эту злую шутку? Я огляделся кругом. Дино болтал с каким-то типом возле бензоколонок, а Ханна поливала герани на другой стороне террасы. Кроме троих уборщиков, коротавших рабочий перерыв за барной стойкой, среди посетителей кафе было несколько лицеистов – они сидели, уткнувшись в свои «Макбуки» или мобильные телефоны.

Черт!..

Пришлось потрогать очки руками – только так я убедился, что они мне не привиделись. Подняв их, я заметил на газетной вырезке пометку. Короткое слово, выведенное аккуратным округлым почерком:

Месть.

2. Круглый отличник и негодные мальчишки

Кто управляет прошлым, тот управляет будущим.

Олдос Хаксли

1

«Раскрась в черное», «Без сюрпризов», «Одна…»

При въезде на территорию кампуса школьная рок-группа встречала гостей назойливыми перепевами из Stones, Radiohead и U2. Музыка – душераздирающая и вместе с тем заводная – сопровождала вас до самого центра лицея, Каштановой площади, где должны были состояться утренние торжества.

«София-Антиполис», который еще нередко называли французской Кремниевой долиной, располагался на стыке нескольких коммун (включая Антиб и Вальбонн) и представлял собой зеленую сокровищницу посреди закатанного в бетон Лазурного Берега. Тысячи новоиспеченных технологических компаний и крупных групп, занятых в наукоемких отраслях, разместились на двух тысячах гектаров поросшей сосняком земли. У этого уголка имелись все преимущества, чтобы привлекать научные кадры со всего света: солнце, сияющее три четверти года, море и альпийские горнолыжные курорты под боком, спортивные сооружения, прекрасные международные школы, включая передовой лицей Сент-Экзюпери, вершину образовательной пирамиды Приморских Альп. Учреждение, куда всякий родитель мечтал однажды записать свое чадо, свято веря в девиз школы:

Scientia potestas est[14 - Знание – сила (лат.).].

Я миновал будку охранника и двинулся дальше вдоль административного и преподавательского корпусов. Нынешние здания учебного центра, построенные в середине 1960-х годов, начали ветшать, однако в целом комплекс сохранился в превосходном состоянии. Архитектор, разработавший его проект, толково и выгодно использовал уникальный природный ландшафт плато Вальбонн. Этим субботним утром воздух был теплым и небо отливало густой синевой. Между сосняком и пустошью, между скальными отвесами и бугрящимся взгорьем приютились кубы и параллелепипеды из стали, стекла и бетона, гармонично вписавшиеся в здешний холмистый ландшафт. В низине, вокруг широкого, наполовину скрытого за деревьями озера, стояли невысокие трехэтажные пестрые строения. Это были корпуса интерната, и каждый из них носил имя какой-нибудь знаменитости, некогда посетившей Лазурный Берег: Пабло Пикассо, Марка Шагала, Никола де Сталя, Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, Сиднея Беше[15 - Сидней Джозеф Беше (1897–1959) – американский джазовый кларнетист и саксофонист, один из основоположников джаза.], Грэма Грина…

В возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет в казенной квартире вместе с родителями жил здесь и я. Воспоминания о тех временах все еще были живы. Особенно хорошо запомнился мне восторг, который я испытывал каждое утро, когда просыпался и глядел на сосновую рощу. Из моей комнаты открывался тот же потрясающий вид, которым я любовался и сегодня: сверкающая гладь озера с деревянной плавучей пристанью и лодочными ангарами. Мне, прожившему два десятка лет в Нью-Йорке, в конце концов стало ясно, что яркую небесную синеву Манхэттена я предпочитаю пению мистраля и цикад, а энергию Бруклина и Гарлема – благоуханию эвкалиптов и лаванды. «Но положа руку на сердце, так ли это на самом деле?» – размышлял я, огибая Агору (стеклянный корпус, возведенный в самом начале 90-х вокруг библиотеки, где находилось несколько амфитеатров и кинозал). Затем я вышел к историческим учебным корпусам – постройкам из красного кирпича в готическом стиле, напоминавшим с виду некоторые американские университеты. Эти корпуса порядком устарели и стали выбиваться из общего архитектурного ансамбля, хотя они по-прежнему составляли гордость Сент-Экза, придавая этому учебному заведению налет лоска, свойственного Лиге плюща[16 - Группа самых престижных частных колледжей и университетов на северо-востоке США.], и вызывали не меньшее чувство гордости у родителей, мечтавших определить своих отпрысков на учебу в местный Гарвард.

– Ну что, Тома Дегале, ищем вдохновение для будущего романа?

2

Услышав сзади голос, я резко повернулся кругом – и увидел смеющееся лицо Стефана Пьянелли. Длинные волосы, мушкетерская бородка клинышком, круглые очки а-ля Джон Леннон, сумка на ремне через плечо – корреспондент «Нис-Матен» выглядел так же нелепо, как и в лицейские годы. Единственной уступкой требованиям времени с его стороны была тенниска под репортерским жилетом, украшенная знаменитой буквой ? – эмблемой крайне левой партии «Непокоренная Франция».

– Привет, Стефан, – ответил я, пожимая ему руку.

Мы прошлись немного вместе. Пьянелли был моим сверстником и, как и я, уроженцем здешних мест. Мы учились в одном классе до самого выпуска. Он запомнился мне как большой любитель драть глотку и неумолчный говорун, который своими умозаключениями нередко ставил учителей в тупик. К тому же он был одним из немногих лицеистов, обладавших политической сознательностью. После блестяще сданных выпускных экзаменов, позволивших ему продолжать учебу на подготовительном отделении при школе политических исследований здесь же, в Сент-Экзе, он предпочел поступить на филологический факультет Ниццкого университета. Мой отец называл этот факультет «фабрикой безработных», а мать, отличавшаяся куда более резкими суждениями, считала его «сборищем леваков-бездельников». Но Пьянелли всегда занимал фрондерскую позицию. В Карлоне, студенческом городке при филфаке, он лавировал между разными направлениями в левом движении, а первый его звездный час настал однажды весенним вечером 1994 года во время передачи «Молодежь завтра!», которая шла по «Франс-2». Тогда десятки студентов битых два часа поносили в прямом эфире пресловутый закон о минимальной заработной плате, которую пыталось навязать им правительство. Я недавно пересматривал эту программу на сайте Национального аудиовизуального архива и меня поразила тогдашняя самоуверенность Пьянелли. Ему дважды предоставляли микрофон, и он смело вступал в полемику с самыми искушенными политиками, в два счета затыкая их за пояс. Он был упрям как осел и не признавал авторитетов.

– Что думаешь насчет выборов Макрона? – вдруг спросил он. (О политике он мог говорить без конца.) – Неплохая новость для публики вроде тебя, верно?

– Пишущей братии?

– Нет, братии мерзких толстосумов! – сверкая глазами, огрызнулся он.

Пьянелли был колюч, зачастую не в меру, но тем не менее он мне нравился. Он был единственным выпускником Сент-Экза, с которым я виделся довольно часто, поскольку он брал у меня интервью для своей газеты всякий раз, когда я выпускал новый роман. Насколько мне было известно, он никогда не стремился сделать карьеру в государственных средствах массовой информации, предпочитая оставаться независимым журналистом. В «Нис-Матен» ему дозволялось писать о чем угодно – политике, культуре, городской жизни, – и такую свободу он ценил превыше всего. Считая себя охотником за сенсациями и обладателем острого пера, он все же старался сохранять определенную объективность. Я всегда с большим интересом читал его рецензии на мои романы, потому что он умел видеть то, что спрятано между строк. Его статьи были необязательно хвалебными, но, даже соблюдая сдержанность в оценках, Пьянелли не забывал, что любой роман – как и любой кинофильм и любая театральная пьеса – зачастую плод многих лет упорного труда, сомнений и переосмыслений И это можно критиковать, а вот уничтожить все это одним росчерком пера, по его разумению, было верхом жестокости и тщеславия. «Самый посредственный роман, несомненно, куда более ценен, нежели критика, глумящаяся над ним», – сказал он мне как-то, применив к литературе знаменитую фразу Антона Эго, кулинарного критика из мультфильма «Рататуй».

– Но шутки в сторону. Так каким же ветром тебя занесло в наши края, художник?

С нарочито безразличным видом он прощупывал почву, забрасывал удочки, собираясь нанести мне удар прямо в грудь. Он мало что знал о моем прошлом. Возможно, почувствовал нервозность, с какой я теребил лежавшие у меня в кармане очки, как две капли воды похожие на те, что были у Винки, а может, считал и угрозу, которую я получил четверть часа назад.

– Просто приятно возвращаться к своим корням, разве нет? С годами человек…

– Брось трепаться, – усмехнувшись, оборвал меня он. – Тебе же, Тома, противно все это сборище «бывших». Посмотри на себя, на свою рубашку от Шарве и часы «Патек Филипп». Так я и поверил, что ты прилетел сюда из Нью-Йорка ради того, чтобы, чавкая жвачкой, затянуть вместе с парнями, на которых ты смотришь свысока, песенку из заставки к «Грендайзеру»[17 - Японский приключенческий анимационный сериал.].

– Тут ты ошибаешься. Я ни на кого не смотрю свысока.

И это была чистая правда.

Пьянелли уставился на меня с недоверием. Его взгляд едва заметно изменился. Глаза блестели так, словно он о чем-то догадался.

– Я понял, – наконец сказал он, качая головой. – Ты примчался потому, что прочитал мою статью!

От его дотошных расспросов у меня перехватило дух, как будто он нанес мне прямой удар под дых. Откуда он узнал?

– Ты это о чем, Стефан?

– Не строй из себя невинного агнца.

Я постарался говорить непринужденным тоном:

– Я живу в Трайбеке[18 - Микрорайон в Нижнем Манхэттене.]. И за чашкой кофе читаю «Нью-Йорк таймс», а не твою местную бульварную газетенку. На какую еще статью ты намекаешь? Уж не на ту ли, где ты извещал о пятидесятилетнем юбилее «конторы»?

Судя по его кислой мине и насупленным бровям, мы говорили о разных вещах. Впрочем, мое облегчение оказалось недолгим, потому как он тут же мне вкатил:

– Я намекаю на статью про Винку Рокуэлл.

На этот раз я так и застыл от изумления.

– Значит, ты действительно не в курсе! – заключил он.

– Да в курсе чего, черт возьми?

Пьянелли покачал головой и достал из сумки блокнот.

– Мне пора работать, – сказал он, когда мы вышли на главную площадь. – Надо еще тиснуть статейку в местную бульварную газетенку.

– Погоди, Стефан!

Довольный произведенным на меня впечатлением, он ретировался, махнув мне рукой:

– Еще поговорим.

Сердце у меня готово было вырваться из груди. Одно я знал совершенно точно: сюрпризы для меня на этом не закончились.

3

Каштановая площадь содрогалась в такт оркестру и бойким разговорам, которые вели гости, сбившиеся в мелкие группы. Когда-то здесь росли величественные каштаны, но их уже давно уничтожил вредитель. Впрочем, площадь сохранила свое название, хотя теперь здесь все было засажено канарскими пальмами, чьи грациозные силуэты навевали мысли о каникулах и праздности. Под просторными шатрами из сурового полотна поставили буфет с рядами стульев и обтянули все цветочными гирляндами. На забитой народом эспланаде суетились официанты в канотье и матросских костюмах.

Я подхватил с подноса бокал, пригубил из него – и почти сразу отправил его содержимое в кадку с цветами. Вместо фирменного коктейля руководство не нашло ничего лучше, как предложить гостям отвратительную кокосовую воду, смешанную с холодным имбирным чаем. Я подошел к буфету. Как видно, и тут решили обойтись незамысловатым ассортиментом угощений. Я как будто оказался в Калифорнии или в одном из заведений Бруклина, где царил культ

здоровья. Ни тебе печеных овощных рулетиков с анчоусами, ни оладий из кабачков, ни пиццы а-ля провансаль. Одни только жалкие с виду овощи ломтиками, десерты с обезжиренными сливками да безглютеновые тосты с сыром.

Я отошел от главной сцены и пристроился на верхней ступеньке широкой, вылизанной до блеска бетонной лестницы, обрамлявшей часть площади наподобие амфитеатра. Я нацепил солнцезащитные очки и со стороны – с высоты моего наблюдательного поста – стал с любопытством разглядывать своих бывших однокашников.

Они обменивались поздравлениями, хлопали друг друга по спине, обнимались, хвастались лучшими фотографиями своих чад – малышей и подростков, – обменивались адресами, телефонными номерами, френдились в социальных сетях. Пьянелли не ошибся: я был чужд всего этого. А притворяться другим не мог. Во-первых, потому, что я ни капли не скучал по лицейским годам. Во-вторых, потому, что по натуре своей я одиночка, который привык таскать в кармане книжку, но так и не удосужился обзавестись учетной записью в «Фейсбуке». Эдакий затворник, не очень-то приспособившийся к эпохе поборников кнопки «лайк». Ну и, наконец, потому, что быстротечное время совсем меня не пугало. Я не впал в уныние, когда отметил свое сорокалетие и когда у меня побелели виски. Сказать по чести, мне даже не терпелось постареть, потому как это означало отдалиться от прошлого, не имеющего ничего общего с потерянным раем, но казавшегося мне эпицентром драмы, от которой я убегал всю свою жизнь.

4

Первый вывод, к которому я пришел, наблюдая за бывшими однокашниками, заключался в следующем: большинство из них, тех, кто разъехался по разным городам и весям, жили в достатке, и первой их заботой было не перебрать в весе. Зато их не миновал главный бич, разящий особей мужского пола, – облысение. Правда, Никола Дюбуа? Ему явно не повезло с трансплантатами. А вот Александр Мюска тщился спрятать свою лысину под длиннющей прядью, переброшенной через макушку. Что же до Ромена Русселя, он предпочел кардинальный выход – бриться наголо.

Мне было приятно думать, что память меня, на удивление, не подвела: всех своих сверстников я помнил очень хорошо и каждого мог назвать по имени. Издалека они являли собой забавное зрелище. И даже в некоторой степени очаровательное, поскольку некоторых это торжество наполняло чувством реванша за прошлое. Взять хотя бы Манон Агостини. В лицейские годы робкая дурнушка, она превратилась в красавицу, вполне уверенную в себе. Та же метаморфоза произошла и с Кристофом Мирковичем. В прошлом сущий ботан, хотя в то время так еще не говорили, теперь он совсем не походил на того мордастого, прыщавого козла отпущения, который мне запомнился, и я был очень рад за него. Как заправский американец, он кичился своими успехами, нахваливал свою «Тэслу»[19 - Марка американских электромобилей.] и болтал по-английски с подружкой, которая выглядела моложе него лет на двадцать и на которую пялились все кому не лень.

А вот Эрика Лафитта время не пощадило. Он мне запомнился как живое воплощение полубога, своего рода чернявого ангела – Алена Делона в фильме «На ярком солнце»[20 - Фильм 1960 года, режиссер – Рене Клеман.]. Некогда неотразимый Эрик успел превратиться в скучного обрюзгшего, рябого дядюшку, больше напоминавшего Гомера Симпсона[21 - Главный персонаж мультсериала «Симпсоны».], чем героя фильма «Рокко и его братья»[22 - Фильм Лукино Висконти, вышедший на экраны в 1960 году.].

Кати и Эрве Лесаж явились, держась за руки. Они были выпускниками предпоследнего класса и поженились в конце учебы. Кати (такое уменьшительно-ласкательное прозвище она получила от своего мужа) на самом деле звали Катрин Лано. Мне запомнились ее обворожительные ножки – они у нее, конечно, всегда были такие, даже когда она вылезала из мини-юбки и облачалась в дамский брючный костюм, – и безупречный английский, самый что ни на есть литературный, который она не успела позабыть. Я частенько задумывался: и как только такая девушка могла влюбиться в Эрве Лесажа. Ведь Эрве, по кличке Реджи – он заполучил ее еще в золотые времена телепрограммы «Никакие» с их набившим оскомину Придурком Реджи[23 - Les Nuls – юмористическая программа, выходившая на французском телевидении в конце 1980-х годов; Придурок Реджи (Regis est un con) – герой ее выпусков.], – внешне ничем особенным не выделялся и к тому же был полный кретин: говорил он всегда невпопад, учителей изводил несуразными вопросами и, главное, как будто совершенно не замечал, что его подружка была на сотню голов выше его. Прошло добрых четверть века, а Реджи в своей замшевой куртке и с довольной рожей выглядел все таким же придурковатым. Хлеще того, на голове его красовалась бейсболка с логотипом PSG[24 - Аббревиатура футбольного клуба

«Пари Сен-Жермен» (сокращенно ПСЖ).]. Без комментариев.

Что же касается прикида, кому-кому, а Фабрису Фоконнье в этом смысле не было равных. Фокон, будучи линейным пилотом «Эр-Франс», щеголял своей командирской формой. Я смотрел, как он торжественно вышагивает меж белокурых головок, высоких каблучков и неестественно высоких грудей. Бывший красавчик явно следил за собой – впрочем, хоть он и сохранил спортивную стать, волосы его тронула седина, а цепким взором и явной кичливостью он больше напоминал носителя титула «старый ловелас». Несколько лет назад я столкнулся с ним на борту самолета местных авиалиний. Фабрис решил побаловать меня, как какого-нибудь пятилетнего малыша, и пригласил к себе в кабину – посмотреть, как он будет совершать посадку…

5

– Вот те на! Он залюбовался на милашку Фокона!

Фанни Брахими, подмигнув, заключила меня в жаркие объятья. Она тоже здорово изменилась. Эта маленькая ясноглазая, коротко стриженная блондинка кабильского происхождения как будто прибавила в росте благодаря изящным туфлям-лодочкам на высоком каблуке, а облегающие джинсы ее явно стройнили. Сквозь разрез блузки с двумя расстегнутыми пуговицами проглядывала грудь. А спортивного покроя плащ, перетянутый поясом, казалось, удлинял ее фигуру. В другой жизни я знал ее как фанатку гранжа[25 - Направление в хард-роке 90-х годов.] – она вечно таскалась в тертых кожаных «мартенсах», бесформенных клетчатых рубахах, штопаных кардиганах и драных джинсах «501».

Фанни оказалась шустрее меня – ей удалось где-то раздобыть бокал шампанского.

– А вот до попкорна я так и не добралась, – сказала она, подсаживаясь ко мне на ступеньку, как будто собираясь смотреть на пару со мной продолжение кинофильма.

Как и в былые лицейские времена, на шее у нее болтался фотоаппарат «Лейка-М», и она тут же принялась фотографировать толпу.

Я знал Фанни целую вечность. Мы с ней и Максимом учились вместе в начальной школе в районе Ла-Фонтон – той самой, которую еще называли «старой школой» благодаря ее красивым зданиям времен Третьей республики[26 - Политический режим, существовавший во Франции с 1870-го по 1940 год.], в отличие от сборных корпусов Рене-Кассена, которую открыли в Антибе позже. В отрочестве Фанни была мне близкой подругой, а в коллеже и третьем классе стала первой моей девушкой, и мы уже гуляли вдвоем. Как-то вечером в субботу мы пошли с ней на «Человека дождя», а после кино, когда возвращались на автобусе в Ла-Фонтон с наушниками от моего плеера у меня и у нее в ушах, несколько раз неловко поцеловались. Раза четыре или пять – между «Потому что ты уходишь»[27 - Песня популярного французского автора-исполнителя Жан-Жака Гольдмана (р. 1951).] и «Лишь бы они были красивыми»[28 - Песня французской певицы Милен Фармер (р. 1961).]. Мы гуляли так, вдвоем, до предпоследнего класса, а потом отдалились, хотя и остались друзьями. Она сблизилась со зрелыми и раскованными девицами, которые начиная с выпускного класса спали с мальчишками направо и налево, ни к кому из них не привязываясь. Для Сент-Экза это было в диковину, и многие ее осуждали. А я ее всегда уважал, поскольку она казалась мне своеобразным воплощением свободы. Фанни дружила и с Винкой, очаровательной отличницей, и за это я ее ценил. Потом она выучилась на врача и стала много разъезжать, занимаясь военной медициной и участвуя во всякого рода гуманитарных миссиях. Я снова увиделся с ней случайно несколько лет назад в одной из гостиниц Бейрута, куда меня пригласили как участника Салона французской книги, и тогда она призналась, что собирается вернуться во Францию.

– Видел наших учителей? – спросила она.

Я кивнул, подбородком показав на месье Н’Донга, Леманна и мадам Фонтана, преподававших нам соответственно математику, физику и естествознание.

– Миленькая компания садистов, – отозвалась Фанни, щелкнув их фотоаппаратом.

– Тут уж мне крыть нечем. Ты работаешь в Антибе?

Она покачала головой:

– Я уже два года вкалываю в кардиологическом отделении при больнице в Ла-Фонтоне. Пользую твою матушку. Разве она тебе не говорила?

По моему молчанию она поняла, что я не в курсе.

– Она наблюдается после микроинфаркта, но с ней все хорошо, – заверила Фанни.

Я был удивлен.

– У меня с матерью не все так просто, – сказал я, чтобы поменять тему.

– Так говорят все мальчишки, да? – спросила она, не собираясь, впрочем, выяснять подробности.

Тут Фанни показала пальцем еще на одну училку, воскликнув:

– А вот она была классная!

Я узнал ее не сразу. Мадемуазель Девилль преподавала английскую литературу в подготовительных классах.

– Она и сейчас хоть куда! – доверительно заметила Фанни. – Ну вылитая Кэтрин Зета-Джонс[29 - Кэтрин Зета-Джонс (р. 1969) – британская актриса.].

Мадемуазель Девилль, ростом под метр восемьдесят, с длинными жесткими, точно солома, волосами до плеч, была на высоких каблуках, в кожаных брюках и куртке без воротника. Тонкая и стройная, она выглядела моложе некоторых своих учеников. Сколько же ей было лет, когда она только пришла в Сент-Экз? Двадцать пять? От силы тридцать. Поскольку в ту пору я учился в подготовительном научном классе, она у меня никогда не преподавала, зато те, кто у нее учился, превозносили ее до небес, особенно некоторые мальчишки, смотревшие на нее как на богиню.

Мы с Фанни еще несколько минут наблюдали за бывшими нашими однокашниками, предаваясь воспоминаниям. Я понял, почему всегда так ценил эту девушку: от нее исходило что-то вроде позитивной энергии. К тому же она

обладала чувством юмора, что ее совсем не портило. И все же поначалу в жизни ей приходилось нелегко. Мать Фанни, миловидная блондинка с матовой кожей и мягким и в то же время убийственным взглядом, работала в Каннах – продавщицей в магазине одежды на бульваре Круазетт. Когда мы учились в первом классе начальной школы, она бросила мужа с тремя детьми и вместе со своим хозяином подалась в Южную Америку. И Фанни, до того как ее приняли в интернат при Сент-Экзе, прожила десять лет с отцом, которого парализовало после несчастного случая на стройке, где он работал. Вместе с двумя старшими братьями – по правде говоря, ни тот, ни другой большим умом не отличались – она жила в ветхом дешевеньком доме. Такое жилье не принадлежало к числу главных туристических достопримечательностей, значащихся в туристических справочниках городка Антиб-Жуан-ле-Пен.

Фанни отпустила еще пару-тройку колкостей, легких, но забавных (вроде «А Этьенн Лабитт как был медным лбом, таким и остался»), и взглянула на меня со странной улыбкой.

– Жизнь перераспределила некоторые роли, а ты все такой же. – Она поймала меня в объектив «Лейки» и, щелкнув ею, продолжала свою тираду: – Круглый отличник, элегантный, опрятный, в красивой фланелевой куртке и небесно-голубой сорочке.

– В твоих устах это, понятно, звучит не как комплимент.

– Ошибаешься.

– Девчонки любят только негодных мальчишек, разве нет?

– В шестнадцать лет – да. А в сорок – нет!

Я пожал плечами, прищурился и приложил руку козырьком к глазам, защищаясь от солнца.

– Кого высматриваешь?

– Максима.

– Нашего будущего депутата? Мы курили с ним возле спортивного корпуса, где должен состояться наш вечер встречи выпускников. Похоже, он туда не собирается. Черт, а ты видел эту пьянчугу – Оду Паради? Совсем опустилась, бедняга. Тома, у тебя точно нет попкорна? Я могла бы сидеть здесь часами. Это кино будет не хуже «Игры престолов»!

Тут она заметила, как двое рабочих принялись устанавливать небольшой помост с микрофоном, и веселья у нее мигом поубавилось.

– Sorry[30 - Прости (англ.).], мне уже не до официальных речей, – объявила она, вставая.

С другой стороны амфитеатра Стефан Пьянелли увлеченно беседовал с супрефектом и записывал что-то в блокнот. Перехватив мой взгляд, он помахал мне, что, верно, означало «Никуда не уходи, сейчас подойду».

Фанни смахнула с джинсов пыль и со свойственной ей привычкой отпустила последнюю колкость:

– Знаешь что? А ведь ты, пожалуй, один из немногих парней на этой площади, с которым я так и не переспала.

Я хотел сказать в ответ что-нибудь остроумное, но ничего такого мне в голову не приходило, потому что в ее словах не было ничего смешного. Они были грустными и совершенно неуместными.

– В своем время ты молился на Винку, – припомнила она.

– Так и есть, – согласился я. – Ведь я был в нее влюблен. Почти как все, кто здесь присутствует, верно?

– Да, только ты всегда ее идеализировал.

Я вздохнул. После того как Винка пропала, а потом выяснилось про ее романтическую историю с одним из преподавателей лицея, поползли слухи и сплетни, в которых ее выставляли эдакой Лорой Палмер[31 - Персонаж телесериала «Твин Пикс», ученица старших классов, ставшая жертвой

жестокого убийства.] с Лазурного Берега. Героиней «Твин Пикса» с родины Паньоля[32 - Марсель Паньоль (1895–1974) – французский драматург и кинорежиссер.].

– Фанни, давай не будем развивать эту тему.

– Как скажешь. Конечно, прятать голову в песок куда легче. Living is easy with eyes closed[33 - «Легко жить с закрытыми глазами» (англ.) – строка из песни «Битлз» Strawberry Fields Forever («Земляничные поляны навсегда»).], как поется в одной песне.

Она засунула фотоаппарат в сумку, глянула на часы и передала мне наполовину полный бокал с шампанским.

– На работу опаздываю. Не надо было пить эту штуковину. С вечера заступаю на дежурство. До скорого, Тома!

6

Директриса затянула длинную, нудную речь, как истинная представительница руководящих кадров в системе национального образования и непревзойденная мастерица своего дела. Мадам Гирар прибыла из парижского округа и свою нынешнюю должность занимала лишь с недавних пор. О лицее она знала только по книгам и говорила избитыми фразами заправского технократа. Слушая ее, я думал: почему здесь нет моих родителей? Их непременно нужно было пригласить как бывшее лицейское начальство. Я тщетно искал их глазами в толпе и недоумевал, где же они?

Завершив тираду про «универсальные ценности – терпимость, равенство возможностей и диалог между культурами, – которые неизменно отстаивало наше учебное заведение», директриса взялась поименно перечислять всех знаменитостей, некогда удостоивших своим посещением наш лицей. Среди десятка перечисленных был и я. Когда под гром аплодисментов произнесли мое имя, несколько присутствующих обратили на меня взгляды. Я выдавил из себя несколько смущенную улыбку и едва заметно кивнул в знак благодарности.

– Ну вот, художник, и тебя вывели на чистую воду, – заметил Стефан Пьянелли, подсаживаясь ко мне. – Жди, через пару минут народ повалит к тебе за автографами. А после забросает вопросами: тявкает ли псина Мишеля Друкера[34 - Мишель Друкер (р. 1942) – известный французский журналист, актер и телеведущий.] в перерывах между съемками и правда ли, что Анна-София Лапикс[35 - Анна-София Лапикс (р. 1972) – известная французская журналистка и телеведущая.] выглядит очаровашкой и при выключенных камерах.

Я не стал пререкаться с Пьянелли, и он спокойно продолжал свой монолог:

– Тебя будут спрашивать, зачем ты угробил своего героя в конце «Нескольких дней с тобой», откуда ты берешь вдохновение и…

– Брось, Стефан. Так о чем ты хотел со мной поговорить? И что это за история про статью?

Журналист откашлялся:

– Тебя же не было на Лазурном Берегу месяц назад?

– Нет, я приехал только сегодня утром.

– О’кей. Слыхал уже про майских наездников?

– Нет, только, по-моему, на ипподроме в Кань-сюр-мер они больше не гоняются.

– Очень смешно. На самом деле я имел в виду похолодание – такое порой случается посреди весны, и сопровождается оно заморозками… – Продолжая говорить, он достал из кармана куртки электронную сигарету. – Этой весной погода на побережье была на редкость противная. Сперва стоял собачий холод, а потом несколько дней кряду нас заливало дождями.

Я прервал его:

– Давай покороче, Стефан. Надеюсь, ты не собираешься делиться со мной сводкой погоды за последние недели!

Кивнув, журналист показал на стоявшие вдалеке цветастые корпуса интерната, игравшие на солнце тысячами огненных бликов.

– Там затопило несколько подвалов под спальными помещениями.

– Эка невидаль! Здесь же земля идет под уклон, сам знаешь! В наше время такое случалось раз в два год.

– Да, но в выходные на восьмое апреля вода поднялась аж до вестибюлей. Начальству пришлось срочно организовывать спасательные работы и вытаскивать все из подвалов.

Пьянелли несколько раз затянулся своей сигаретой и выпустил струю пара, отдававшего вербеной и грейпфрутом. По сравнению с Че Геварой, дымившего сигарами, наш революционер, пускающий благоуханный пар, выглядел несколько забавно.

– Так они избавились хотя бы от груды ржавого металлолома, хранившегося у них в подвалах с середины 90-х. Одна контора по обработке металлолома взялась свезти весь этот хлам на свалку, но до того, как они нагрянули, ученички забавы ради вскрыли пару ржавых шкафчиков. Нипочем не догадаешься, что они там нашли.

– Ну!

Журналист, желая произвести должное впечатление, тянул паузу так долго, как только мог.

– Кожаную спортивную сумку, а в ней сто тысяч франков купюрами по сто и двести! Это ж уйма денег, они пролежали там больше двадцати лет…

– И в Сент-Экз пожаловали полицейские?

Я представил себе, как в лицей нагрянули жандармы, вызвав небывалый ажиотаж.

– Верно-верно! И, как я пишу в своей статье, у них глаза на лоб вылезли. Давнее дело, деньги, знаменитый лицей… долго уговаривать их не пришлось – они тут все углы облазили.

– Ну и как?

– Пока никакой информации, но, насколько мне известно, они нашли на спортивной сумке две пары совершенно четких отпечатков пальцев.

– И что?

– И одна пара отпечатков обнаружилась у них в картотеке.

Я затаил дыхание, пока Пьянелли готовился выпустить новую стрелу. Заметив, как в его глазах заплясали огоньки, я смекнул, что он собирается поразить меня в самое сердце.

– Эти «пальчики» принадлежали Винке Рокуэлл.

Я попытался переваривать услышанное и угадать, что бы все это значило, но без толку.

– А ты что думаешь, Стефан?

– Что я думаю? Я был прав с самого начала, вот что! – оживился журналист.

Дело Винки Рокуэлл было еще одной любимой темой Стефана Пьянелли наряду с политикой. Лет пятнадцать назад он даже написал на эту тему книгу под шубертовским названием: «Девушка и смерть». Это было серьезное, дотошное расследование исчезновения Винки Рокуэлл и ее возлюбленного, хотя и без сенсационных разоблачений.

– Если Винка действительно сбежала с Алексисом Клеманом, – продолжал он, – она должна была прихватить с собой и эти деньжищи! Или по крайней мере когда-нибудь вернуться за ними!

Его умозаключение показалось мне не очень убедительным.

– А где доказательства, что это ее деньги? – возразил я. – То, что ее отпечатки обнаружили на той сумке, еще не доказывает, что деньги принадлежали именно ей.

Он согласился, но тут же кинулся в контратаку:

– И все же, признайся, странная история. Откуда взялись эти денежки? Сто тысяч франков! По тем временам огромная сумма.

Я все никак не мог взять в толк, что конкретно он думает о деле Рокуэлл, однако версия с побегом казалась ему голословной. Хотя железных доказательств у него не было, Пьянелли ничуть не сомневался: если Винка до сих пор так и не объявилась, значит, она уже давно мертва. И убил ее, вероятнее всего, Алексис Клеман.

– А что думает следствие?

– Понятия не имею, – рассеянно отвечал он.

– Следствие по делу об исчезновении Винки проводилось бог весть когда. А значит, любые улики, обнаруженные сегодня, никто не признает в связи с истечением срока давности по этому делу, верно?

С задумчивым видом Пьянелли потер бородку тыльной стороной руки.

– Не скажи. Тут действует сложная судебная практика. Сегодня в некоторых случаях срок давности зависит уже не от того, когда было совершено убийство, а от того, когда обнаружили тело.

Он смотрел мне прямо в глаза – я выдержал его взгляд. Пьянелли, безусловно, был охотником за сенсациями, и я недоумевал, почему он с таким упорством цепляется за это давнее дело. Помнится, он не принадлежал к числу задушевных друзей Винки. Они никогда не встречались, и между ними не было никакой взаимной симпатии.

Винка была дочерью актрисы Полины Ламбер, уроженки Антиба, рыжеволосой, коротко стриженной красотки, игравшей небольшие роли в фильмах Ива Буассе

и Анри Вернея. Венцом ее кинокарьеры стала откровенная сцена с Жан-Полем Бельмондо в «Клане марсельцев»[36 - Франко-итальянский кинофильм 1972 года, режиссер Жозе Джованни.]. В 1973 году в одном из ночных кабачков Жуан-ле-Пена Полина познакомилась с Марком Рокуэллом, американским автогонщиком, который недолго был пилотом «Формулы-1» в команде «Лотус» и не раз участвовал в 500-мильных заездах в Индианаполисе. Но самое главное – Рокуэлл был младшим сыном влиятельного массачусетского семейства, которое числилось главным акционером сети супермаркетов, распространенных по всему северо-востоку Соединенных Штатов. Отлично понимая, что в кино у нее нет никаких перспектив, Полина последовала за своим возлюбленным в Штаты – там они и поженились. Вскоре в Бостоне родилась Винка, их единственная дочь, которая прожила там же пятнадцать лет, прежде чем ее отправили учиться дальше в Сент-Экз – это случилось после трагической смерти ее родителей. Чета Рокуэлл оказалась в числе пассажиров, погибших в авиакатастрофе летом 1989 года – произошла внезапная разгерметизация самолета во время взлета из аэропорта на Гавайях. Эта трагедия потрясла многих, поскольку в результате внезапного вскрытия багажного отсека в бизнес-классе вырвало с корнем и выбросило из самолета шесть рядов кресел. В той катастрофе погибли двенадцать человек, причем жертвами ее стали весьма состоятельные люди. Столь занятная подробность не могла не заинтересовать Пьянелли.

Благодаря своим корням и манерам Винка служила живым воплощением всего, что Пьянелли ненавидел: он считал ее папенькиной дочкой из американского высшего буржуазного общества и наследницей элитарных духовных традиций, обожавшей греческую философию, кино Тарковского и поэзию Лотреамона[37 - Лотреамон (настоящие имя и фамилия Изидор Дюкас) (1846–1870) – французский поэт-романтик, предтеча символизма и сюрреализма.]. А еще – неземной красоты кокеткой, не живущей в реальном мире, а витающей в облаках. И, наконец, девицей, которая по-своему – невольно и неосознанно – презирает парней.

– И это не произвело на тебя никакого впечатления, черт возьми? – вдруг окликнул меня он.

– Все это было давно, Стефан.

– Давно? Но ведь Винка была твоей подружкой. Ты же души в ней не чаял, ты…

– Мне тогда было восемнадцать, я был совсем мальчишкой. И уже давно все забыл.

– Не держи меня за дурака, художник. Ничего ты не забыл. Я же их читал, твои романы, – Винка там везде и всюду. Ее можно узнать в большинстве твоих героинь!

Он начал мне надоедать.

– Дешевая психология. Достойная астрологической рубрики в твоей газетенке!

Мы заговорили на повышенных тонах – Стефан Пьянелли был точно на иголках. Глаза его неистово сверкали. Винка свела его с ума, как и многих до него, хоть и по-своему.

– Можешь говорить все что угодно, Тома. Но я собираюсь вновь взяться за это дело, и на сей раз серьезно.

– Пятнадцать лет назад ты уже сломал на нем зубы, – заметил я.

– Когда нашли деньги, все изменилось! Как по-твоему, что скрывается за эдакой кучей наличности? Лично у меня на этот вопрос есть три возможных ответа: наркоторговля, коррупция или крупный шантаж.

Я потер глаза.

– Прямо как в кино, Пьянелли.

– По-твоему, дела Рокуэлл не существует?

– Оно, скажем так, сводится к банальной истории девчонки, сбежавшей с парнем, в которого она была влюблена. – Он поморщился. – Да ты сам, художник, ни на секунду не веришь в эту версию. Хорошенько запомни, что я тебе скажу: история исчезновения Винки – это как клубок шерсти. В один прекрасный день кто-нибудь сумеет дернуть за нужный кончик – и размотает весь клубок.

– И что же тогда обнаружится?

– Что-нибудь похлеще всего, что можно было себе тогда представить.

Я встал, желая закончить разговор.

– Тебе бы романы писать. Могу помочь, если задумаешь подыскать себе издателя.

Я взглянул на часы. Мне нужно было срочно найти Максима. Журналист, вдруг угомонившись, тоже встал и хлопнул меня по плечу.

– До скорого, художник. Уверен, мы еще увидимся.

Он сказал это тоном полицейского, собиравшегося отпустить меня восвояси после задержания. Я застегнул куртку и спустился на одну ступеньку. Задумался на мгновение-другое и обернулся. Пока я не совершил ни единого промаха. Главное – ему не надо было давать пищу для размышлений, но один вопрос так и вертелся у меня на языке. И я попытался задать его самым безразличным видом.

– Значит, говоришь, в одной из старых раздевалок нашли деньги?

– Ну да.

– В какой именно?

– В той, что канареечного цвета. Как дом Анри Матисса.

– Винка жила не там. Ее комната находилась в синем корпусе – в доме Никола де Сталя.

Пьянелли согласился:

– Ты прав, я уже проверил. А у тебя чертовски хорошая память для человека, который давно все забыл.

Он снова уставился на меня, сверкая глазами, как будто поймал меня в ловушку, но я выдержал его взгляд и даже перешел в наступление.

– А на том шкафчике было написано чье-то имя?

Он покачал головой.

– Прошло уже столько лет – немудрено, что все стерлось.

– И даже в архивах не сохранилось никаких записей, за кем были закреплены шкафчики для одежды в раздевалках?

– В то время такими вопросами никто не заморачивался, – усмехнулся Пьянелли. – В начале учебного года ученики занимали любые шкафчики: кто успел, тот первый и занял.

– А в этом конкретном случае какой был шкафчик?

– Тебе-то это зачем знать?

– Простое любопытство. Страсть всякого журналиста, сам знаешь.

– Вместе со статьей я напечатал и фотографию. У меня нет ее при себе, но это был шкафчик А-1. Первое отделение вверху слева. Тебе это что-нибудь говорит?

– Ровным счетом ничего. So long[38 - Пока! (англ.)], Стефан!

Я повернулся к нему спиной и поспешил покинуть площадь до того, как закончится речь.

Между тем директриса под конец своей речи заговорила о предстоящем сломе старого спортивного корпуса и закладке первого камня «самого дерзновенного строительного проекта из всех, что осуществлялись в нашем учебном заведении». Она благодарила щедрых спонсоров, усилиями которых наконец-то будет претворен в жизнь этот проект тридцатилетней давности, ставший уже притчей во языцех и включающий в себя, в частности, «строительство корпуса, где разместятся подготовительные классы, закладку большого ландшафтного

парка и возведение нового спортивного комплекса с бассейном олимпийского класса».

Если еще недавно я точно не знал, что меня ждет, то теперь все мои сомнения рассеялись. Я обманул Пьянелли. Мне было хорошо известно, кому когда-то принадлежал шкафчик, в котором обнаружили деньги.

Это был мой шкафчик.

3. То, что мы сделали

Только начиная говорить правду, люди чаще всего нуждаются в адвокате.

Пи Ди Джеймс[39 - Филлис Дороти Джеймс (1920–2014) – британская писательница, автор популярных детективов.]

1

Спортивный корпус представлял собой железобетонный шестигранник, построенный на площадке у кромки сосняка. Туда вел наклонный въезд, как бы зажатый между высокими известняковыми, белыми как мел скалами, отражавшими ослепительный солнечный свет. Поднявшись на автостоянку, я увидел грейдер и бульдозер, которые стояли возле какой-то модульной конструкции. Это был склад, и в нем помещалась целая батарея всяких инструментов: отбойные молотки, бетоноломы, ножницы для резки металла, грейферы и ковши. Директриса говорила правду: старый спортивный корпус доживал свои последние часы. Начало строительных работ было не за горами, как и начало нашего падения.

В поисках Максима я обошел спортивный корпус кругом. Не имея с ним никакой связи, я тем не менее следил издалека за перипетиями в его жизни с подлинным увлечением и определенной гордостью. Дело Винки Рокуэлл повлияло на его судьбу иначе, чем на мою. Если тогдашние события меня морально сломили и обескуражили, то Максима они раскрепостили – избавили от душевных оков, предоставив ему свободу написать собственную историю.

После того, что мы сделали, я уже никогда не был прежним. Я жил в страхе и душевном смятении, отчего позорно провалился на экзамене по высшей математике. Летом 1993 года я уехал с Лазурного Берега в Париж и, к величайшему сожалению моих родителей, перевелся во второразрядную коммерческую школу. В столице я томился четыре года. Прогуливал каждую вторую лекцию, а вечера коротал в кафе, библиотеках и кино по соседству с кварталом Сен-Жермен-де-Пре.

На четвертом году обучения школа отправляла учащихся на полугодовую стажировку за границу. Большинство моих однокашников устроились в крупные компании, а мне пришлось довольствоваться более скромным местом: я поступил помощником к Эвелин Уоррен, интеллигентной феминистке из Нью-Йорка. Уоррен, хоть ей и было восемьдесят лет, продолжала читать лекции в университетах разных городов Соединенных Штатов. Это была яркая личность и вместе с тем властная и капризная женщина, которую раздражало все на свете. Но меня она, бог весть почему, обожала. Быть может, потому, что я не обращал внимания на ее заскоки и не поддавался ее внезапным переменам настроения. Вовсе не претендуя на роль моей приемной бабушки, она просила меня вернуться к ней на службу после того, как я окончу учебу, и помогла мне получить грин-карту. Таким образом, я проработал помощником Эвелин Уоррен до самой ее смерти и все это время проживал в одной из комнат ее огромной квартиры в Верхнем Ист-Сайде[40 - Респектабельный район Манхэттена.].

В свободное время – благо его у меня было вдоволь – я предавался занятию, которое меня только и успокаивало: сочинял истории. Не в силах благополучно устроить свою жизнь, я придумывал ничем не омраченные миры, где не было места терзавшим меня тревогам. Волшебные палочки существуют. Лично для меня она обрела форму шариковой ручки «бик-кристалл». За франк с полтиной вы получали доступ к инструменту, способному преображать действительность, совершенствовать ее и даже перечеркивать.

В 2000 году я опубликовал первый свой роман, который благодаря толковой раскрутке вошел в число самых продаваемых. С той поры я написал десяток книг. Писательство и реклама отнимали все мое время. Я достиг настоящего успеха, однако моя родня полагала, что писательское ремесло никак нельзя отнести к числу серьезных профессий. «А ведь когда-то я думал, что ты станешь инженером», – с присущей ему деликатностью сказал мне как-то отец. Мало-помалу мои наезды во Францию становились все реже и теперь ограничивались одной неделей, которую я отводил себе на рекламу своих книг и раздачу

автографов. Со старшей сестрой и братом я почти не виделся. Мари окончила Горную школу и работала на высокой должности в Национальном управлении статистики внешней торговли. Чем она занималась, я точно не знал, хотя предполагал, что ее работу никак нельзя было назвать самой увлекательной. Что до Жерома, его можно было по праву назвать гордостью семьи: он был детским хирургом и после землетрясения 2010 года работал на Гаити – координировал деятельность «Врачей без границ».

2

А еще был Максим.

Бывший мой лучший друг, которого мне так никто и не смог заменить. Мой сердечный друг. Я знал его целую вечность: родня его отца и родственники моей матери были из одной итальянской деревни Монтальдичо, в Пьемонте. До того как мои родители получили служебное жилье в Сент-Экзе, мы с ним жили по соседству в Антибе, на дороге Сюкетт. Из окон наших домов, стоявших бок о бок, открывался широкий вид на часть акватории Средиземного моря. На лужайках перед нашими домами, разделенных лишь низенькой стенкой сухой кладки, мы с Максимом гоняли в футбол, а наши родители устраивали барбекю.

В лицее Максим, в отличие от меня, учился плохо. Нет, его нельзя было назвать законченным бездарем: это был немного инфантильный мальчуган, который больше увлекался спортом и блокбастерами, чем тонкостями «Воспитания чувств»[41 - Роман Гюстава Флобера (1821–1880), написанный в 1869 году.] и «Манон Леско»[42 - Имеется в виду «История кавалера Де Грие и Манон Леско» – роман Антуана Франсуа Прево д’Энзиля (1697–1763), написанный в 1731 году.]. Летом он подрабатывал уборщиком пляжа у батарей Грайон, на мысе Антиб. Помнится выглядел он потрясающе: литой торс, длинные, как у заправского серфингиста, волосы, плавки «Рип Керл», кеды «Ванс» без шнурков. Это был простодушный, немного томный блондин – живое воплощение юноши из будущих фильмов Гаса Ван Сента[43 - Гас Ван Сент (р. 1952) – американский кинорежиссер и сценарист.].

Максим был единственным сыном Франсиса Бьянкардини, знаменитого на всю округу подрядчика, создавшего целую империю, хоть и местного значения, в те времена, когда правила распределения частноправовых сделок были более гибкими, чем сегодня. Мы с ним были хорошо знакомы, и я знал Франсиса как

человека непростого, скрытного и неоднозначного. Но в глазах других людей он выглядел толстобрюхим мужланом, с ручищами каменщика и грубыми, неотесанными манерами, частенько бросавшимся словами, которых он понабрался в кабаках и которые можно было скорее услышать от каких-нибудь правых экстремистов. А заводился он, что называется, с пол-оборота. В его прицеле неизменно маячили все, кто, по его разумению, был повинен в упадке страны: «арабьё, социалисты, шлюхи и гомики». Это был властный светловолосый самец, эдакий здоровяк обыватель, который так и не понял, что его мир давно канул в вечность.

Находясь под подавляющим влиянием отца, которого стыдился и которым вместе с тем восхищался, Максим упорно искал свое место в жизни. И только после трагедии ему наконец удалось освободиться от своих оков. Превращение заняло двадцать лет, и происходило оно в несколько этапов. Поначалу он был нерадивым учеником, со временем взялся за ум и защитил диплом инженера-строителя. Потом он возглавил отцовское строительное предприятие и, приложив все старания, превратил его в ведущую местную экологическую строительную компанию. В дальнейшем он стоял у истоков создания Платформы-77, крупнейшего инкубатора новых идей и проектов на юге Франции. Помимо всего прочего, Максиму наконец пришлось смириться с тем, что он гомосексуал. И летом 2013 года, через несколько недель после того, как был принят закон об однополых браках, он заключил в мэрии Антиба союз со своим компаньоном Оливье Монсом – еще одним бывшим выпускником Сент-Экза, возглавлявшим муниципальную мультимедийную библиотеку.

Всю эту информацию я почерпнул на сайтах «Нис-Матен» и «Челленджес», а также из статьи в «Магазин дю Монд», посвященной «поколению Макрона». Оставаясь и по сей день простым муниципальным советником, Максим вступил в партию «Вперед!» сразу же после ее создания – то была партия будущего президента Республики – и одним из первых поддержал Макрона во время его избирательной кампании. Сегодня он претендовал на пост депутата от седьмого избирательного округа департамента Приморские Альпы под знаменем все того же Макрона. Народ, традиционно склонявшийся вправо, вот уже двадцать лет как выбирал в первом туре толкового кандидата от умеренных республиканцев гуманистического толка. До выборов оставалось еще три месяца, и никто представить себе не мог, что округ поменяет свой политический окрас, но той весной 2017 года страну накрыла энергия нового толка. Волна Макрона грозила все снести на своем пути. На предстоящие выборы кандидаты шли ноздря в ноздрю, однако у Максима были все шансы победить депутата, подлежавшего переизбранию.

3

Я заметил Максима – он стоял у входа в спортивный корпус и оживленно разговаривал с сестрами Дюпре. Я издалека хорошо разглядел его фигуру в холщовых штанах, белой рубашке и льняной куртке. У него было загорелое, с резковатыми чертами лицо, ясный взгляд и все такие же выгоревшие на солнце волосы. Леопольдина (мисс Косынка) и Джессика (мисс Бимбо) ловили каждое его слово, как будто он читал им монолог дона Родриго[44 - Имеется в виду герой трагикомедии «Сид» Пьера Корнеля (1606–1684).], хотя на самом деле он всего лишь уверял их, что грядущее повышение ставок ВСС[45 - Всеобщее социальное страхование.] неминуемо приведет к увеличению покупательной способности всех наемных работников.

– Смотрите, кто идет! – завидев меня, воскликнула Джессика.

Я расцеловал близняшек – они тут же объяснили, что им поручено организовать прямо здесь танцевальную вечеринку, – и приобнял Максима. Возможно, у меня было что-то с головой, но, как мне показалось, от него исходил все тот же запах кокосового ореха, каким отдавал воск, с помощью которого он когда-то укладывал себе волосы.

Нам еще минут пять пришлось терпеть женскую болтовню. Леопольдина вдруг принялась уверять меня, что она просто без ума от моих романов, особенно от «Трилогии зла».

– Мне и самому нравится эта история, – отозвался я, хотя ее написал вовсе не я. – Что ж, непременно передам твои похвалы моему другу Шаттаму[46 - Максим Шаттам (р. 1976) – французский писатель, мастер триллера.].

Мое замечание, хоть и произнесенное шутливым тоном, задело Леопольдину. Наступила пауза – потом, под предлогом того, что им еще надо развесить светящиеся гирлянды, она потащила сестру в похожую на сарай пристройку, где хранились праздничные украшения.

Наконец мы с Максимом остались вдвоем. Избавившись от взгляда близняшек, он изменился в лице прежде, чем я успел спросить, как у него дела.

– Хуже некуда.

А когда я показал ему очки и записку со словом «месть», которую нашел в кафе «У Дино», вернувшись из туалета, он совсем пал духом.

– Позавчера мне прислали такую же в контору, – признался он, потирая себе виски. – Надо было предупредить тебя по телефону. Прости, но мне показалось, что тогда ты можешь передумать и не приедешь.

– Есть предположения, кто нам это послал?

– Ни малейшего, но, даже если б мы знали кто, это бы вряд ли что-либо изменило. – Он кивнул в сторону бульдозера и склада с инструментами. – Работы начинаются в понедельник. Дело дрянь, ничего не попишешь.

Он достал свой мобильный телефон и показал мне фотографии своих дочерей – четырехлетней Луизы и Эммы, ее двухлетней сестренки. Несмотря на обстоятельства, я его поздравил. Максим преуспел там, где у меня ничего не вышло: он создал семью и собирался стать полезен обществу.

– Но ведь я же все потеряю, понимаешь? – в ужасе проговорил он.

– Погоди, не стоит проливать слезы раньше времени, – сказал я безо всякой надежды его успокоить, и, подумав мгновение-другое, добавил: – Ты был там?

– Нет. – Он покачал головой. – Тебя ждал.

4

Мы вдвоем зашли в спортивный корпус.

Он был все такой же огромный, каким я его помнил. Больше двухсот квадратных метров, поделенных ровно пополам: в одной половине зал для разных видов спорта, с тренировочной стенкой для скалолазания, а в другой – баскетбольная площадка, окруженная зрительскими трибунами. Ввиду предстоящего торжества – «вечера выпускников», о котором упоминалось в статье, – в зал

притащили и сложили в кучу татами, гимнастические ковры, футбольные ворота и сети, чтобы оборудовать танцплощадку и подмостки для рок-группы. Теннисные столы были покрыты бумажными скатертями. Картину завершали самодельные гирлянды и украшения. Подходя к главному залу, устланному искусственным полом, я не мог избавиться от мысли, что сегодня вечером, пока рок-группа будет исполнять хиты INXS и Red Hot Chili Peppers, десятки парочек будут отплясывать рядом с трупом.

Максим проводил меня до стены, разделявшей многофункциональный зал и баскетбольную площадку с трибунами. На висках у него блестели капли пота, а на льняной куртке, под мышками, обозначились два круглых темных пятна. Последние несколько шагов он сделал пошатываясь, потом резко остановился, как будто ему не хватало сил идти дальше. Словно бетонная конструкция отталкивала его на манер одинаково заряженного полюса магнита. Я уперся рукой в стену, пытаясь отстраниться от нахлынувших переживаний. Это была не простая перегородка, а несущая стена, которая пересекала поперек весь спортивный корпус, имевший метров двадцать в ширину. И снова меня выбили из равновесия замелькавшие в моей голове вспышки – фотографии нескольких поколений подростков, которые приходили в этот зал тренироваться до седьмого пота, ни сном ни духом не ведая, что здесь, в стене, замуровано тело.

– Я муниципальный советник, и мне удалось поговорить с подрядчиком, который взялся разрушить спортивный корпус, – сообщил мне Максим.

– Как это будет происходить конкретно?

– С понедельника за дело примутся экскаваторы и камнедробилки. Эти ребята настоящие профи. У них грамотный персонал и первоклассная техника. Через неделю они сровняют коробку с землей.

– Значит, теоретически они могут наткнуться на тело послезавтра.

– Ну да, – шепотом отозвался он, делая знак, чтобы и я говорил потише.

– А они могут ничего не заметить?

– Смеешься? И не надейся, – вздохнул Максим и потер глаза. – Тело было завернуто в двойной строительный брезент, так что часть останков найдут

целехонькими даже через двадцать пять лет. Работы немедленно приостановят и тут же начнут раскапывать другие улики.

– Сколько нужно времени, чтобы опознать труп с полной уверенностью?

Максим пожал плечами.

– Я не полицейский, но, думаю, со всякими там генетическими и стоматологическими экспертизами на все про все уйдет неделя. Беда в том, что между делом они наверняка найдут мой нож и твой стальной прут! И кое-что еще. Черт, не надо было торопиться! При современных методах расследования они запросто обнаружат наши следы ДНК и даже, наверное, отпечатки пальцев. А нет, на меня и так выйдут, ведь на рукоятке ножа вырезано мое имя…

– Подарок твоего отца… – припомнил я.

– Да, швейцарский армейский нож. – Максим нервно ущипнул себя за шею. – Надо заранее подстраховаться! – понуро проговорил он. – Сегодня же вечером возьму самоотвод. Партия должна успеть выдвинуть другого кандидата. Не хочу, чтобы эра Макрона начиналась со скандала, в котором буду виноват я.

Я попробовал его успокоить:

– Подожди немного. Я же не говорю, что все можно уладить за одни выходные, но нужно хотя бы постараться понять, что нас ждет.

– Что нас ждет? Убит человек, черт возьми! Убит и замурован в этом проклятом спортзале.

4. Дверь беды

Тогда я еще четыре раза выстрелил в распростертое тело… И эти четыре отрывистых удара прозвучали так, словно я стучался в дверь беды[47 - Альбер Камю. Посторонний (перевод Норы Галь).].

Альбер Камю

1

Двадцать пять лет назад

Суббота, 19 декабря 1992 года

Снег валил с раннего утра. Небывалая, неожиданная перемена погоды, случившаяся в тот день рождественских каникул, вызвала великую сумятицу. «Чудовищный хаос», как говорили в этих краях. На Лазурном Берегу с лихвой хватило и легкого белого пушка, чтобы парализовать всякую деятельность. Оно и понятно: ведь тогда шел не жиденький снег, а грянул настоящий буран, невиданный с января 1985-го и февраля 1986 года. По некоторым сообщениям, в Аяччо тогда выпало пятнадцать сантиметров снега, в Антибе – десять, а в Ницце – восемь. Самолеты взлетали в час по чайной ложке, большую часть поездов отменили, дороги стали практически непроезжими. Не говоря уже о непредвиденных перебоях в электроснабжении, нарушивших привычный ход жизни.

Из окна моей комнаты я разглядывал скованный стужей кампус. Картина была сюрреалистическая. Снег как будто стер пустошь, накрыв ее широким белым покрывалом. Под его тяжестью гнулись оливковые и цитрусовые деревья. А приморские сосны словно перенеслись в белоснежно-пушистый антураж сказок Андерсена.

Интерны большей частью успели уехать из лицея накануне вечером. Сент-Экз опустел, как традиционно случалось только раз в году – на рождественские каникулы. На территории кампуса оставались лишь редкие воспитанники, которым в виде исключения разрешили проживать в своих комнатах и в каникулы. Это были учащиеся подготовительных классов, готовившиеся к строгим отборочным экзаменам, а также три-четыре преподавателя, проживавших здесь же на служебных квартирах и опоздавших на свои самолеты и поезда из-за бурана.

Вот уже с полчаса как я сидел за столом, вперившись безнадежно потухшим взором в условие задачи по алгебре.

Упражнение № 1

Допустим, что a и b являются парой действительных чисел, подобных 0 < a < b. Положим, что u

= a, a v

= b, а все натуральное число n выражается как

Докажите, что последовательности (un) и (vn) являются смежными и что их общая граница равняется

Мне было около девятнадцати лет. Я учился в подготовительном научном классе. С началом учебного года – в сентябре – жизнь моя превращалась в ад: я не знал ни покоя, ни отдыха и спал часа по четыре. Темп обучения на подготовительном отделении выбивал меня из колеи и отнимал все силы. В моем классе пятнадцать из сорока учеников уже бросили учебу. Я пока держался, хотя, казалось, это был напрасный труд. Я ненавидел математику с физикой, и, поскольку эти дисциплины давались мне с трудом, приходилось тратить на них бо?льшую часть времени. Меня интересовали искусство и литература, но, по разумению родителей, достойный жизненный путь – до меня им прошли мои брат с сестрой – непременно пролегал через инженерную или медицинскую школу.

Впрочем, я куда больше страдал не из-за учебы, а по другой причине. По-настоящему меня угнетало и разрывало мне душу равнодушие одной девчонки.

2

Все мои мысли с утра до вечера занимала Винка Рокуэлл. Мы с ней были знакомы уже два года, с тех пор как ее дед Аластер Рокуэлл решил, что после смерти родителей ей будет лучше учиться дальше во Франции, подальше от Бостона. Это была необычная девчонка – образованная, живая и жизнерадостная. У нее были рыжие волосы, разного цвета глаза и тонкие черты лица. Она не считалась первой красавицей в Сент-Экзе, но ее окружала чарующая аура и какая-то тайна, которые притягивали, точно магнит, и сводили с ума. Было в ней что-то неуловимое, то, что порождало обманчивую мысль: если вам удастся завладеть Винкой, вы будете владеть и всем миром.

Довольно долго мы с ней были неразлучными друзьями. Я показал ей все мои любимые места в этих краях: Ментонские сады, виллу Керилос, парк Фонда Маг, улочки Туррет-сюр-Лу… Мы таскались с ней повсюду и могли разговаривать часами напролет. Мы взбирались на via ferrata[48 - Железная дорога (ит.).] в Ла-Коломиане, уписывали за обе щеки гороховые блинчики на провансальском рынке в Антибе, подолгу болтали ни о чем под генуэзской башней на пляже Дез-Онд.

Мы буквально читали мысли друг друга, и наше взаимопонимание неизменно меня изумляло. Винка стала для меня родной душой, которую я ждал с той поры, как достиг того возраста, когда начинаешь кого-то ждать.

Сколько себя помню, я всегда чувствовал себя одиноким, немного чужим в этом шумном, обыденном мире, который поражал, как заразная болезнь. Одно время я убеждал себя, что от тоскливого чувства одиночества могут избавить книги, но от книг нельзя требовать слишком многого. Они пичкают разными историями, как бы по доверенности вынуждают проживать обрывки чужих жизней, но они никогда не обнимут и не утешат, когда станет страшно.

Винка привнесла в мою жизнь не только свет, но и тревогу – страх, что я могу ее потерять. Так оно и вышло.

С началом учебного года – она только поступила на подготовительное отделение, а я перешел в старший математический класс – мы больше не виделись: все никак не представлялось случая. Хотя мне казалось, что Винка просто избегала меня. Она больше не отвечала ни на телефонные звонки, ни на записки – все мои предложения пойти прогуляться оставались только на бумаге. Ее однокашники сообщили мне, что Винка увлеклась Алексисом Клеманом, молодым преподавателем философии на подготовительном отделении. По слухам, между ними даже была связь, о чем многие судили по их игривому тону общения. Сначала я отказывался в это верить, но теперь меня душила ревность, нужно было непременно понять, как к этому относиться.

3

Десять дней назад, в среду вечером, в то время как учащиеся подготовительных классов сдавали предварительный экзамен, я воспользовался тем, что у меня был час самостоятельных занятий, и пошел проведать Павла Фабьянски, лицейского охранника. Павел любил меня. Я заходил к нему каждую неделю – приносил номер «Франс-Футбол»[49 - Французский спортивный еженедельник.], который успевал прочитать сам. В тот день, когда он пошел к холодильнику за банкой содовой, чтобы меня отблагодарить, я стащил у него связку ключей от комнат учащихся.

С этой связкой я кинулся к корпусу Никола де Сталя, синего цвета зданию, где жила Винка, и методично перерыл ее комнату.

Знаю, любовь не дает право на вседозволенность. Знаю, я подлец или кто там еще. Но, как большинство влюбленных, переживающих первую любовь, я думал, что уже никогда не смогу испытать столь глубокое чувство к кому бы то ни было. И в этом смысле будущее, к несчастью, подтвердило мою правоту.

Было еще одно обстоятельство, смягчавшее мою вину: дело в том, что о любви я мог судить, пожалуй, только по книгам, которые прочитал. Но познать жизнь по-настоящему можно, лишь набив шишки. Так вот, тогда, в декабре 1992 года, я уже успел избавиться от простого чувства влюбленности и познал настоящую страсть. А страсть не имеет ничего общего с любовью. Страсть – это «ничейная земля», зона боевых действий, лежащая где-то между горем, безумством и смертью.

Ища доказательства связи между Винкой и Алексисом Клеманом, я перелистал все книжки в библиотечке моей подруги. И вот из романа Генри Джеймса[50 - Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель.] выскользнули и упали на пол сложенные вчетверо два листка, спрятанные между страницами. Я подобрал их дрожащими руками, и меня тут же поразил исходивший от них запах: смесь чередующихся стойких и свежих ароматов леса и пряностей. Я развернул листки. Это были письма Клемана. Я искал доказательства и нашел. И они были неопровержимые.

5 декабря

Винка, любовь моя,

Какой чудесный сюрприз ты преподнесла мне вчера вечером, отважившись остаться у меня на ночь! Всякий раз, видя твое прекрасное лицо, я таю от счастья.

Любовь моя, те часы были самыми захватывающими в моей жизни. Всю ночь сердце мое рвалось из груди, а от прикосновений к твоим губам у меня в жилах вскипала кровь.

Утром йодистый привкус твоих поцелуев все еще оставался на моих губах. На простынях сохранился твой ванильный запах, а тебя рядом уже не было. Мне стоило немало усилий не разрыдаться. Мне хотелось проснуться в твоих объятиях, хотелось снова проникнуть в тебя, почувствовать, как мое дыхание сливается с твоим и как твой голос наполняется жгучей страстью. Мне хотелось, чтобы каждая частица моей кожи вновь ощутила нежное прикосновение твоего языка.

Мне не хотелось бы трезветь ни за что на свете. А хотелось бы беспрестанно упиваться тобой, твоими поцелуями и ласками.

Люблю тебя,

Алексис

8 декабря

Винка, дорогая,

Каждое мгновение сегодняшнего дня все мои мысли были лишь о тебе одной. Сегодня мне на каждом шагу приходилось притворяться: читая лекции, разговаривая с коллегами, обсуждая пьесу, которую играли мои ученики… Разум мой был целиком поглощен нежными, жгучими воспоминаниями о последней нашей ночи.

К полудню выдержать это стало вовсе невозможно. Между уроками мне захотелось выйти покурить на террасу учительской – и оттуда было видно, как ты сидишь на скамейке, беседуя с друзьями. Увидев меня, ты тихонько махнула мне, и твой знак согрел мое бедное сердце. Каждый раз, глядя на тебя, я содрогаюсь всем своим существом, и мир вокруг тебя будто растворяется. Как-то раз мне почти хватило безрассудства подойти и обнять тебя, и стоило огромных усилий сдержать этот порыв: мне очень хотелось, чтобы все знали, как я тебя люблю, но нам нужно хранить нашу тайну еще какое-то время. К счастью, близок час свободы. Скоро мы сможем разорвать оковы и обрести свободу. Винка, ты сумела развеять окружавший меня мрак и вернуть мне веру в лучезарное будущее. Любовь моя, огонь моих поцелуев неугасим. Каждый раз, когда мой язык слегка касается тебя, он оставляет на твоей коже печать любви и обозначает пределы новой территории – свободной, плодородной и цветущей земли, в которую мы скоро зароним семя нашей будущей семьи. И наш ребенок свяжет наши судьбы навеки. У него будут твоя ангельская улыбка и твои лучистые глаза.

Люблю тебя,

Алексис

4

Эти письма сразили меня, я потерял аппетит и сон. Я был сломлен, подавлен горем, которое сводило меня с ума. Моя успеваемость стремительно катилась вниз, и это тревожило моих учителей и родителей. Подвергшись дотошным

расспросам матери, я не нашел ничего другого, как признаться ей в том, что меня угнетало. Я рассказал ей про свои чувства к Винке и письма, которые обнаружил. В ответ она печально сказала, что ни одна девица не стоит того, чтобы из-за нее я забросил учебу, и велела мне живо взять себя в руки.

У меня было предчувствие, что я уже никогда не выберусь из пропасти, в которую угодил. Я даже не мог себе представить, какой кошмар ждет меня впереди.

Честно говоря, я понимал, что Клеман очаровал Винку. В прошлом году он преподавал у меня в выпускном классе. Я всегда считал его неглубоким, хотя нельзя было не признать, что он умел пускать пыль в глаза. В эту пору моей жизни соперничество между нами было неравным. По правую руку от меня стоял Алексис Клеман, двадцати семи лет, прекрасный, как солнце, теннисист-разрядник, который, сидя за рулем «Альпины А310»[51 - Марка французского спортивного автомобиля.], цитировал Шопенгауэра в оригинале. А по левую – Тома Дегале, восемнадцати лет, который корпел над высшей математикой, раз в неделю получал от матери шестьдесят франков на карманные расходы, гонял на мопеде «Пежо-103» (хоть и мотор у него сущий зверь) и коротал свой скудный досуг за игровой приставкой «Атари-СТ» – резался в «Игру ударом с центра».

Я никогда не считал Винку своей. Впрочем, Винка была создана для меня так же, как я для нее. Я был уверен, что стану классным парнем – необязательно прямо сейчас. Я предчувствовал, что когда-нибудь переплюну типов вроде Алексиса Клемана, даже если для этого понадобится не один год. А пока в голове у меня вертелись одни и те же картинки: как моя подружка спит с тем малым. И терпеть такое было невыносимо.

В тот день после полудня, когда зазвонил телефон, я был дома один. Накануне, в день официального начала каникул, отец с братом и сестрой улетели в Папеэте[52 - Столица Французской Полинезии, расположенная на Таити.]. На Таити вот уже десять лет жили мои дед с бабушкой по отцовской линии, и раз в два года мы встречали у них Рождество. Но в этом году из-за плохой успеваемости мне пришлось остаться дома. А моя мать решила провести зимний отпуск в Ландах[53 - Приморские дюнные низменности на юго-западе Франции, пролегающие вдоль Бискайского залива.] у своей сестры Джованы, которая все никак не могла оправиться после тяжелой хирургической операции. Ехать ей предстояло только на следующий день, а пока она временно исполняла обязанности заведующей школьным городком, стоя у штурвала корабля,

захваченного бурей.

Из-за снегопада телефон трезвонил беспрестанно. В те времена в «София-Антиполисе» рассчитывать на машину для посыпания солью обледенелых дорог и снегоуборщик не приходилось. Полчаса назад мать вышла из дома по срочному вызову: на скользкой дороге перевернулся грузовик и перегородил подъезд к кампусу неподалеку от будки охранника. За неимением выбора матери пришлось обратиться за помощью к Франсису Бьянкардини, отцу Максима, и тот обещал приехать как можно скорее.

Я в который раз снял телефонную трубку, подумав об очередном срочном вызове в связи с неблагоприятной метеообстановкой, хотя, быть может, это звонил Максим, чтобы отменить нашу встречу. Субботними вечерами мы обычно встречались в кафе «У Дино» – играли в настольный футбол, смотрели видак и обменивались компакт-дисками, оставив мопеды перед «Макдоналдсом», на автостоянке возле антибского гипермаркета, а потом разъезжались по домам – поглядеть голевые моментики чемпионата Франции в передаче «Жур де Фут».

– Приходи, пожалуйста, Тома!

У меня сердце сжалось в груди. Это был не Максим. В трубке прозвучал чуть приглушенный голос Винки. Я-то думал, что Винка уехала к родственникам в Бостон, но она сказала, что все еще торчит в Сент-Экзе, потому как занемогла, и что ей очень хотелось бы со мной повидаться.

Я хорошо понимал, что мое поведение может показаться жалким, но всякий раз, когда звонила Винка, меня снова и снова окрыляла надежда – и я бежал к ней. Вот и сейчас я клял себя за малодушие и отсутствие самолюбия и сожалел, что не хватает духу прикинуться безразличным.

5

К вечеру ожидалось потепление, а пока стоял собачий холод, к тому же порывами налетал мистраль, поднимавший круговерть мягких снежных хлопьев. Второпях я забыл надеть теплые ботинки или сапоги, и мои кроссовки «Эр-Макс» утопали в снегу. Я продвигался, кутаясь в пуховую куртку и сгибаясь под бившим мне в лицо ветром, как какой-нибудь Иеремия Джонсон[54 - Герой

одноименного американского кинофильма, вышедшего на экраны в 1972 году.], за которым гнался незримый гризли. Хотя я спешил и хотя жилые помещения интерната располагались в сотне метров от служебной квартиры моих родителей, у меня ушло минут десять, чтобы добраться до корпуса Никола де Сталя. В снежной пелене это небесно-голубого цвета здание теперь походило на призрачную серую громаду, окутанную перламутровой дымкой.

В вестибюле было пусто и холодно. Были закрыты даже раздвижные двери, через которые можно было попасть в общий зал. Я стряхнул налипший на кроссовки снег и, перепрыгивая через две ступеньки, взлетел вверх по лестнице. Оказавшись в коридоре, я несколько раз постучал к Винке, однако ответа не последовало. Тогда я толкнул дверь и прошел в освещенную комнату, пропахшую ванилью и ладаном – типичным запахом бумаги для благовонных курений.

Винка лежала с закрытыми глазами на кровати. Ее длинные рыжие волосы, забранные в конский хвост, обесцветились в молочных бликах заснеженного неба. Я подошел к ней, поцеловал в щеку и приложил руку ей ко лбу. Он горел огнем. Не размыкая век, Винка что-то пробормотала в полудремоте. Я решил – пусть поспит, а сам направился в ванную, надеясь найти там жаропонижающее. В аптечке было полно сильнодействующих лекарств – снотворных, транквилизаторов, обезболивающих – и ни одной таблетки парацетамола.

Я вышел в коридор, собираясь постучать в дверь самой дальней комнаты. В дверном проеме показалось лицо Фанни Брахими. Я знал, что на нее можно положиться. Хотя мы с ней не так уж часто виделись с начала учебного года, потому что оба с головой ушли в занятия – каждый в свои, – она была моей верной подругой.

– Привет, Тома! – Она сняла с носа очки.

На ней были драные джинсы, ношеные конверсы и широченный, не по размеру, мохеровый свитер. Ее глаза, всегда лучившиеся добротой, как будто померкли под густо-черными обводами карандаша для бровей. Макияж – яркий, как у музыкантов из группы The Cure, альбом которых как раз крутился у нее на проигрывателе.

– Привет, Фанни! Нужна твоя помощь.

Я объяснил ей ситуацию и осведомился, нет ли у нее парацетамола. Она пошла за лекарством, а я тем временем зажег газовую плиту, стоявшую у нее в комнатушке, чтобы согреть воду.

– Держи. – Она протянула мне лекарство.

– Спасибо. Можешь заварить ей чаю?

– Да, и сахару положу побольше, чтобы у нее не случилось обезвоживания. Сейчас все сделаю.

Я вернулся в комнату Винки. Она открыла глаза и приподняла голову над подушкой.

– На вот, выпей. – Я дал ей две таблетки. – Ты вся горишь.

Она не бредила, но состояние ее было ужасное. Когда я спросил, зачем она мне звонила, Винка разрыдалась. Несмотря на жар, несмотря на искаженное, залитое слезами лицо, она была все такая же невероятно притягательная: от нее исходила какая-то непостижимая, неуловимая фантастическая аура. Хрустально чистый звук челесты, играющей что-то в жанре фолк начала 1970-х годов.

– Тома… – пробормотала она.

– Что происходит?

– Я скотина.

– Да что такое ты говоришь, черт возьми?

Она потянулась к тумбочке и взяла какую-то штуковину, которую я сперва принял за авторучку и лишь потом догадался, что это был тест на беременность.

– Я беременна.

Глядя на вертикальную полоску, указывающую на положительный результат теста, я вспомнил строки из письма, вызвавшие у меня отвращение: «Мы скоро зароним семя нашей будущей семьи. И наш ребенок свяжет наши судьбы навеки. У него будет твоя ангельская улыбка и твои лучистые глаза».

– Помоги мне, Тома!

Я был так потрясен, что не соображал, какое, собственно, утешение она ждет от меня.

– Я не хотела, понимаешь?.. Не хотела, – бормотала она.

Я присел к ней на кровать, и, обливаясь слезами, она призналась:

– Я не виновата! Это все Алексис… меня заставили.

Вконец опешив, я попросил ее повторить, и она объяснила:

– Это все Алексис… меня заставили. Я не хотела с ним спать.

Именно так она и сказала. Слово в слово. Я не хотела с ним спать. Этот мерзавец Алексис Клеман принудил ее к тому, чего ей совсем не хотелось.

Я встал с кровати, полный решимости.

– Я все улажу, – заверил ее я, направляясь к двери. – Скоро вернусь.

И я вышел из комнаты, столкнувшись на пороге с Фанни, державшей в руках поднос с чаем.

Пока мне было невдомек, что, произнеся последнюю фразу, я дважды солгал. Во-первых, я не собирался ничего улаживать – наоборот. Ну и потом, я вовсе не собирался возвращаться к Винке. Вернее, даже если бы я и вернулся, она все равно исчезла бы из моей жизни навсегда.

Снегопад уже прекратился, но свинцовые тучи отбрасывали кругом мрачные тени. Низкое, будто налитое тяжестью, небо предвещало скорое наступление ночи.

Меня терзали противоречивые чувства. От Винки я вышел злой и возмущенный ее признанием, хотя и в некотором смысле полный решимости. Все вдруг встало на свои места: Алексис оказался лжецом и насильником. А я для Винки все еще кое-что да значил: ведь именно ко мне она обратилась за помощью.

У Алексиса Клемана мать была немка, а отец француз. Сам он окончил университет в Гамбурге и в Сент-Экзе работал по контракту. Как учитель-иностранец, он имел право на служебное жилье в небольшом здании у озера.

Корпус, где жили преподаватели, стоял неподалеку, рукой подать. Чтобы добраться туда, я решил срезать дорогу и пройти через строительную площадку будущего спортивного корпуса. Каменные плиты, фундаменты, бетономешалки, кирпичные стены – все это как будто исчезло, скрывшись под толстым слоем пока еще девственно чистого снега.

Улучив удобную минуту, я принялся не спеша искать себе оружие и в конце концов обратил внимание на железный прут, который рабочие оставили в ручной тележке возле кучи песка. Не скажу, что я действовал спонтанно. Во мне что-то пробудилось. Какая-то древняя, первородная жестокость обуяла меня. Подобное состояние я переживал лишь один раз в жизни.

Я до сих пор помню тот пьянящий воздух, одновременно леденящий и жгучий, чистый и солоноватый на вкус. Помню, как он будоражил меня. Я уже совсем не походил на измученного ученика, корпящего над задачей по математике. Я превратился в бойца, воина, храбро вышедшего на линию огня.

Когда я наконец добрался до преподавательского корпуса, стало почти темно. Вдалеке, в мрачных водах озера, отражалось небо, переливаясь дрожащими серебристыми бликами.

Днем – включая выходные – в вестибюль преподавательского общежития можно было попасть без звонка и ключа. Здесь, как и в интернате для учащихся, царили холод и тишина – кругом не было ни души. Я решительным шагом

поднялся по лестнице. Я знал, что преподаватель философии был у себя, потому что еще утром слышал, как моя мать разговаривала с ним по телефону и он предупредил ее, что рейс до Мюнхена отменили из-за непогоды.

Я постучал в дверь, за которой играло радио. Алексис Клеман открыл мне, ни о чем не догадываясь.

– А, здравствуй, Тома!

Он походил на теннисиста Седрика Пьолина – высокого брюнета с кудряшками, спускавшимися до нижней части затылка. Он был сантиметров на десять выше меня, да и выглядел покрепче, но тогда это не произвело на меня ни малейшего впечатления.

– Видал, какая погодка?! – воскликнул он. – Надо же, а я собирался покататься на лыжах в Берхтесгадене. Уверен, там снега куда меньше, чем здесь!

В комнате было жарко. Возле двери стояла большая дорожная сумка. Из маленького радиоприемника изливался медовый голос: «Программа «Воображаемые» на сегодня закончена, но оставайтесь на «Франс-Мюзик» вместе с Аленом Жербе[55 - Ален Жербе (р. 1943) – французский писатель и джазовый критик.] и его джазом…»

Клеман уже собирался пригласить меня к себе, как вдруг заметил в моей руке железный прут.

– Что это ты?.. – начал было он, вытаращив на меня глаза.

Времени на раздумья и разговоры не было.

Первый удар обрушился сам собой, как будто мою руку направлял кто-то другой. Удар пришелся Клеману прямо в грудь – ошеломленный учитель отшатнулся. Второй раз я шарахнул его по коленке – он взревел от боли.

– Ты зачем ее изнасиловал, ублюдок?!

Алексис Клеман попытался уцепиться за стойку, служившую перегородкой между комнатой и кухонькой, но, падая, опрокинул ее. На плиточный пол грохнулась и разбилась вдребезги стопка тарелок с бутылкой «Сан-Пеллегрино», но это ничуть не умерило мой пыл.

Я полностью потерял контроль над собой. Учитель лежал на полу, а я дубасил его без передышки. Удары сыпались на него методично, с поразительной силой. Я бил его то ногами, то прутом. Я представлял себе, как он насилует Винку, и это только подстегивало мои ярость и злость. Я уже не замечал Клемана. И не принадлежал самому себе. Мне казалось, что я совершаю нечто непоправимое, но остановиться было не в моих силах. Я превратился в смертоносный маховик – марионетку в руках демиурга-разрушителя.

Но ведь я же не убийца!

Это был внутренний голос – он прозвучал в моей голове. Чуть слышно. Как слабая отговорка. Как последний призыв на пороге необратимости. Я вдруг отшвырнул железный прут и застыл как вкопанный.

Клеман воспользовался моей нерешительностью. Собравшись с силами, он вцепился мне в голень, я поскользнулся на гладкой подошве, потерял равновесие. И тоже рухнул на пол. Хотя учитель был изрядно покалечен, он тотчас оказался верхом на мне, превратившись из жертвы в хищника. Он давил на меня всем своим весом, обхватив коленями мое тело, точно клещами, и не давая мне пошевелиться.

Я открыл рот, чтобы закричать, но Клеман уже успел схватить осколок бутылки. Держась из последних сил, я увидел, как он вскинул руку, собираясь всадить в меня длинный кусок битого стекла. Время будто застыло, и я на мгновение почувствовал, как из меня уходит жизнь. Это было одно из тех мгновений, которые, кажется, длятся не одну минуту. Одно из тех мгновений, которые решают не одну судьбу.

И вдруг все завертелось с бешеной скоростью. Мне на лицо хлынул поток теплой бурой крови. Тело Клемана обмякло – воспользовавшись этим, я высвободил одну руку и утер глаза. А когда разомкнул веки, то сквозь мутную пелену разглядел Максима – он возвышался над темной кучей, в которую превратилось бесформенное тело учителя. Я разглядел его светлые волосы, куртку

«Челленджер», а под ней серую шерстяную кофту «Тэдди» с нашивками из красной кожи.

7

Максиму понадобился всего лишь один удар ножом. Быстрое движение, сверкающий клинок, чуть длиннее резака, как будто слегка полоснувший Алексиса Клемана по яремной вене.

– Надо вызывать врача! – поднимаясь, вскричал я.

Но было уже поздно, и я это знал. Клеман был мертв. А я – весь в крови. Кровь была у меня на лице, на волосах, на свитере, на кроссовках. Я ощущал ее даже на губах и на кончике языка.

Какое-то время Максим, как и я, стоял ошарашенный, обалдевший, потерянный, не в силах произнести ни слова.

Впрочем, мы собирались звонить не в «Скорую помощь», а в полицию.

– Погоди! Мой отец, наверное, еще там! – обретя дар речи, воскликнул он.

– Где – там?

– У будки охранника!

Максим выскочил из комнаты Клемана, и вслед за тем я услышал, как он помчался вниз по лестнице, бросив меня рядом с трупом человека, которого мы убили.

Как долго я оставался один? Минут пять? Четверть часа? Под глухим покровом тишины мне снова показалось, что время застыло. Чтобы не смотреть на мертвеца, я, помнится, прилип носом к окну. Над подернутой зыбью гладью озера теперь висела непроглядная тьма, словно кто-то повернул выключатель и вырубил отражавшийся от нее серебристый свет. Я попытался зацепиться глазами хоть за что-нибудь, но мой взгляд утопал в мерцавшей кругом снежной

пелене.

Уставившись в эту бездонную белизну, я думал о том, во что отныне превратилась наша жизнь, потому что отлично понимал: привычное равновесие нашей жизни только что нарушилось навсегда. Это было вовсе не похоже ни на страницу, которую можно перевернуть, ни на конец эпохи. Это было сродни адскому огню, который полыхал вовсю под снегом.

Тут на лестнице послышался шум – хлопнула дверь. В комнату ворвался Франсис Бьянкардини в сопровождении своего сына и начальника стройплощадки. Отец Максима был верен себе: всклоченные седые волосы, кожаная парка в пятнах краски, грудь колесом и непомерно большое брюхо.

– Ну как ты, малыш? – спросил он, пытаясь заглянуть мне в глаза.

Я был не в состоянии отвечать.

Грузное тело Франсиса, казалось, заполняло всю квартиру, хотя его кошачья, решительная походка совсем не вязалась с неповоротливой тушей.

Франсис стал посреди комнаты и какое-то время оценивал ситуацию. Его лицо не выражало ни единого чувства, как будто он всегда знал, что этот день когда-нибудь настанет и ему было не впервой лицезреть подобную драму.

– С этой минуты я беру все в свои руки, – объявил он, глядя то на Максима, то на меня.

Думаю, только услыхав его голос, бесстрастный и степенный, я наконец понял, что маска толстомордого фашиста, которую Франсис Бьянкардини натягивал при людях, нисколько не соответствовала его истинной натуре. В эту горестную минуту стоявший передо мной здоровяк больше походил на неумолимого главаря банды. Франсис напомнил мне эдакого крестного отца, и, если бы он смог каким-то образом вытащить нас из этой передряги, я был бы готов тут же поклясться ему в верности.

– Здесь надо прибраться, – сказал он, обращаясь к Ахмеду, начальнику стройплощадки. – Но сперва сходи-ка и достань из грузовичка брезент.

Ахмед был бледен, в его глазах читался страх. Перед тем как исполнить указание, он, не удержавшись, спросил:

– А дальше что, хозяин?

– Замуруем его в стену, – ответил Франсис, кивнув подбородком на труп.

– Какую еще стену? – удивился Ахмед.

– В спортзале.

5. Последние дни Винки Рокуэлл

Ничто так полно не воскрешает прошлого, как запах, когда-то связанный с ним[56 - Владимир Набоков. Машенька.].

Владимир Набоков

1

Наши дни, 13 мая 2017 года

– Я больше никогда не говорил с отцом на эту тему, – заверил меня Максим, закуривая сигарету.

Солнечный луч позолотил глянцевый корпус его зажигалки «Зиппо», украшенный репродукцией японской гравюры «Большая волна в Канагаве». Мы вышли из душного спортивного корпуса и направились к Орлиному гнезду, узкому, поросшему цветами карнизу, который обрамлял длинный каменный карниз, нависавший над озером.

– Я даже не знаю, в каком месте он замуровал труп, – продолжал мой друг.

– Может, сейчас самое время спросить у него, а?

– Мой отец умер этой зимой, Тома.

– Черт, очень сожалею!

В наш разговор вкралась тень Франсиса Бьянкардини. Отец Максима всегда казался мне несокрушимым. Как скала, о которую разбивались все, кто по глупости хотел взять ее приступом. Но смерть не обычный противник. В конце концов она всегда побеждает.

– Отчего он умер?

Максим глубоко затянулся, сощурившись.

– Это печальная история, – предупредил он. – Последние годы он большую часть времени проводил у себя дома в Аврелия-Парке. Помнишь, где это?

Я кивнул. Мне был хорошо известен этот роскошный квартал, уютно расположенный на взгорье над Ниццей.

– В конце года тамошние владения стали мишенью целой серии ограблений, порой довольно жестоких. Бандиты дерзко проникали на виллы, даже когда там были хозяева. Мерзавцы держали их взаперти и пытали.

– И Франсис тоже попался им под руку?

– Да. На Рождество. Хотя дома у него всегда было оружие, воспользоваться им он не успел. Налетчики мигом скрутили его и стали избивать. Он умер от сердечного приступа – не вынес пыток.

Грабежи. Одна из напастей Лазурного Берега – результат облицовки бетоном побережья, бесконечных заторов на дорогах и перенаселенности из-за неизбывного притока туристов…

– Тех, кто это сделал, арестовали?

– Угу, это была банда македонцев. Причем хорошо организованная. Кое-кого из них полицейские схватили – то ли двоих, то ли троих, и теперь они сидят за решеткой.

Я облокотился на парапет. С полукруглой ископаемой террасы открывался захватывающий вид на озеро.

– Кроме Франсиса, кто еще знает про убийство Клемана?

– Ты да я, и все, – заверил меня Максим. – А моего отца ты знаешь: он не из болтливых…

– А твой благоверный?

Он покачал головой.

– Черт, даже представить себе не могу, чтобы он узнал такое от меня. Жизнью клянусь, я никогда и ни с кем не говорил на эту тему.

– Но ведь был еще Ахмед Газуани, начальник стройплощадки.

Максим выразил сомнение:

– Он нем как рыба. Да и потом, какой ему интерес болтать про убийство, если он был его соучастником?

– Он еще жив?

– Нет. В старости у него нашли рак, и он вернулся умирать в Бизерту.

Я надел темные очки. Время близилось к полудню. Солнце, стоявшее высоко в небе, заливало Орлиное гнездо слепящим светом. Здесь, на простом деревянном балкончике, было хоть и небезопасно, зато очень красиво. Учащимся доступ сюда был заказан раз и навсегда, но, будучи сынком директора, я нарушал

запреты – и теперь сохранил волшебные воспоминания о том, как вечерами мы с Винкой курили здесь, потягивая «Мандаринелло»[57 - Мандариновый ликер.] и любуясь отражавшейся в озере луной.

– Тип, который посылает нам письма, как пить дать все про нас знает! – со злостью проговорил Максим. – Он затянулся последний раз, докурив сигарету до фильтра. – А у этого Алексиса Клемана была родня?

Генеалогическое древо несчастного учителя я знал назубок:

– Клеман был единственным сыном своих родителей, на ту пору уже стареньких. Они, наверное, тоже отдали богу душу. Во всяком случае, угроза исходит не от них.

– Тогда от кого? От Стефана Пьянелли? Он уже несколько месяцев ходит за мной по пятам. Все следит и вынюхивает, с тех пор как я ввязался в избирательную кампанию Макрона. Копается в старых делах моего отца. К тому же он написал книжку про Винку, помнишь?

Возможно, я был наивен, но мне не верилось, что Стефан Пьянелли мог зайти так далеко, чтобы заставить нас открыться.

– Он, конечно, проныра, – согласился я. – Только мне трудно представить себе, что он способен строчить анонимки. Если б он нас в чем заподозрил, то сказал бы нам прямо в лоб. Меня другое беспокоит: он говорил про деньги, которые обнаружили в старом шкафчике для одежды.

– Ты это о чем?

Максим ничего об этом не знал, и я вкратце все ему рассказал: про то, как во время наводнения нашли сотню тысяч франков в спортивной сумке, а на ней обнаружили две пары отпечатков пальцев, при том что одни «пальчики» принадлежали Винке.

– Все дело в том, что деньги нашли в шкафчике, который тогда был моим.

Максим в легком недоумении нахмурился. И я принялся объяснять подробнее:

– До того, как моих предков назначили в Сент-Экз, я выпросил себе комнату и жил в ней все время, пока учился во втором классе.

– Помню-помню.

– Когда же родители получили назначение и служебное жилье, они попросили меня уступить ту самую комнату какому-нибудь другому ученику.

– И ты уступил?

– Да, только при условии, что этот малый никогда не будет пользоваться моим шкафчиком и не станет просить у меня ключ от него. Так что я оставил ключ у себя, хотя сам им почти не пользовался, и вот однажды, за несколько недель до своего исчезновения, Винка попросила у меня тот самый ключ.

– И не сказала, что собирается припрятать там денежки?

– Ну конечно! Эта история со шкафчиком совсем выпала у меня из головы. Я ничего не заподозрил, даже когда Винка пропала.

– И все же уму непостижимо, почему следы девчонки так и не нашли.

2

Опираясь на низенькую стенку сухой кладки, Максим вышел на солнце, приблизился ко мне и принялся изливать на меня заслуженные упреки, которых я ждал от него с самого утра.

– Никто на самом деле даже не знал, кто такая эта Винка.

– Да нет, все знали ее как раз очень хорошо. Она же была нашей подругой.

– Ее-то знали, а вот про нее саму ничего не знали, – не унимался он.

– Что конкретно ты имеешь в виду?

– Все говорит о том, что она была любовницей Алексиса Клемана: письма, которые ты нашел, фотографии, на которых они вдвоем… Помнишь фотку с предновогоднего бала, где она с него глаз не сводит?

– Ну и что?

– Что? Тогда почему спустя несколько дней она заявила, что этот тип ее изнасиловал?

– Думаешь, я тебе соврал?

– Нет, но…

– К чему ты клонишь?

– А что, если Винка жива? И что, если это она посылала нам те письма?

– Я думал об этом, – согласился я. – Но зачем ей все это?

– Чтобы отомстить. Потому что мы убили ее любовника.

Тут я вспылил:

– Черт возьми, Максим, она же боялась его! Клянусь тебе! Она сама мне это сказала: Это все Алексис… меня заставили. Я не хотела с ним спать.

– Она могла наговорить все что угодно. Ее тогда частенько видели под кайфом. Она глотала «кислоту» и всякое прочее дерьмо, что попадалось под руку.

Я пресек спор:

– Нет, она мне это даже повторила. Тот малый был насильник.

Максим изменился в лице. Какое-то время он рассеянно смотрел на озеро, потом снова перевел взгляд на меня.

– Ты же говорил, что она была тогда беременна?

– Да, именно так она мне и сказала, и это были не пустые слова.

– Если это так и если она родила, ее ребенку сегодня должно быть двадцать пять лет. Значит, у ее сына или дочери вполне могло возникнуть желание отомстить за своего отца.

Это предположение я сразу отбросил. Такое, впрочем, было возможно, хотя в самой идее, как мне показалось, было больше романтики, чем здравого смысла. Подобный поворот годился больше для детективного романа, о чем я так прямо и сказал Максиму, но нисколько его не убедил. Вслед за тем я решил переключиться на другую тему, которая, как мне казалось, была поважнее, если иметь в виду ближайшие несколько часов.

– Должен сказать тебе еще кое-что, Макс. В начале 2016 года, прилетев рекламировать свою новую книжку, я сцепился в Руасси с офицером-пограничником. Этот болван потехи ради унижал какого-то транссексуала, называя его «месье». Дело зашло так далеко, что меня даже задержали на несколько часов и…

– Сняли отпечатки пальцев! – догадался он.

– Да, и теперь я значусь у них в картотеке, так что мы не успеем все уладить. Как только найдут тело и железный прут, а на нем обнаружат хоть один отпечаток, тут же всплывет мое имя – меня арестуют и станут допрашивать.

– И что это меняет?

Я признался, что все решил прошлой ночью на борту самолета:

– Я тебя не сдам. Ни тебя, ни твоего отца. Все возьму на себя. Скажу, что я один убил Клемана и попросил Ахмеда, чтобы он помог мне надежно спрятать тело.

– Тебе ни в жизнь не поверят. Да и зачем это тебе? К чему такие жертвы?

– У меня нет ни детей, ни жены – никакой личной жизни. Мне нечего терять.

– Нет, это чушь какая-то! – бросил он, моргая.

Под глазами у него темнели круги, лицо было помятое, как будто он не спал двое суток. Мое решение не только не успокоило его, а, напротив, всполошило еще больше. И, признаться, мне было понятно почему.

– Полицейские уже кое-что пронюхали, Тома. Точно говорю. И отмазать меня ты не сможешь. Вчера вечером мне звонили из комиссариата Антиба. Это был сам окружной полицейский комиссар Венсан Дебрюин, и он…

– Дебрюин? Его зовут, как бывшего прокурора?

– Да, это его сын.

Это была не самая приятная новость. В девяностые правительство Жоспена назначило Ивана Дебрюина прокурором Республики при суде большой инстанции в Ницце с твердым намерением покончить со всякого рода аферистами, заполонившими Лазурный Берег. Иван Грозный – ему это прозвище пришлось по душе – торжественно прибыл на побережье в образе эдакого белого рыцаря. И проработал на своем посту больше пятнадцати лет, безжалостно сражаясь с масонскими сетями и некоторыми представителями избранного общества. Магистрат лишь недавно принял его отставку, к вящему облегчению некоторых. Сказать по чести, многие в здешних краях ненавидели Дебрюина и его коллегу Далла Чезу[58 - Генерал Далла Чеза, префект Палермо и непримиримый борец с мафией, был убит через несколько месяцев после своего назначения вместе с женой и телохранителем. Его роль в фильме «Сто дней в Палермо» сыграл Лино Вентура. Примеч. автора.], однако даже враги уважали его за упорство. Так вот, если сынок унаследовал «достоинства» папаши, нам предстояло иметь дело с ловким полицейским, питающим неприязнь к избранному обществу и всем, кто близко или отдаленно имел к оному отношение.

– И что же конкретно сказал тебе Дебрюин?

– Он просил меня срочно прийти к нему, потому что у него есть ко мне вопросы. И я сказал, что зайду вечером.

– Иди скорей, чтоб мы знали, что дальше делать.

– Мне страшно, – признался он.

Я положил руку ему на плечо и со всей убежденностью постарался его успокоить:

– Это же не вызов по всей форме. Может, Дебрюин начитался всякой ерунды. Ясное дело, он собирает информацию. Имей он виды насчет тебя, не стал бы так церемониться.

Страх сочился изо всех пор его кожи. Максим расстегнул еще одну пуговицу на сорочке и утер лоб, на котором блестели капли пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Tire-Poil – буквально «Охочие до поживы» (фр.). Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.

2

Сорт японского виски.

3

Имеется в виду период 1919–1929 годов.

4

Футбольный клуб «Олимпик Марсель» (сокращенно ОМ).

5

В футболе три гола, забитые в одном матче одним игроком.

6

Автобиографическая повесть французской писательницы Маргерит Дюрас (1914–1996), опубликованная в 1984 году.

7

Роман в письмах французского писателя Шодерло де Лакло (1741–1803), опубликованный в 1782 году.

8

Роман Джека Лондона, впервые напечатанный в журнальном варианте в 1908–1909 годах и вышедший отдельной книгой в 1909-м.

9

Роман швейцарского писателя Альбера Коэна (1895–1981), изданный в 1968 году.

10

Фильм новозеландского кинорежиссера, сценаристки и писательницы Джейн Кэмпион (р. 1954), выпущенный в 1992 году.

11

Фильм британского кинорежиссера Ридли Скотта (р. 1937), вышедший в 1991 году.

12

Фильм французского кинорежиссера Клода Соте (1924–2000), вышедший в 1992 году.

13

Фильм польского кинорежиссера Кшиштофа Кесьлевского (1941–1996), вышедший в 1991 году.

14

Знание – сила (лат.).

15

Сидней Джозеф Беше (1897–1959) – американский джазовый кларнетист и саксофонист, один из основоположников джаза.

16

Группа самых престижных частных колледжей и университетов на северо-востоке США.

17

Японский приключенческий анимационный сериал.

18

Микрорайон в Нижнем Манхэттене.

19

Марка американских электромобилей.

20

Фильм 1960 года, режиссер – Рене Клеман.

21

Главный персонаж мультсериала «Симпсоны».

22

Фильм Лукино Висконти, вышедший на экраны в 1960 году.

23

Les Nuls – юмористическая программа, выходившая на французском телевидении в конце 1980-х годов; Придурок Реджи (Regis est un con) – герой ее выпусков.

24

Аббревиатура футбольного клуба «Пари Сен-Жермен» (сокращенно ПСЖ).

25

Направление в хард-роке 90-х годов.

26

Политический режим, существовавший во Франции с 1870-го по 1940 год.

27

Песня популярного французского автора-исполнителя Жан-Жака Гольдмана (р. 1951).

28

Песня французской певицы Милен Фармер (р. 1961).

29

Кэтрин Зета-Джонс (р. 1969) – британская актриса.

30

Прости (англ.).

31

Персонаж телесериала «Твин Пикс», ученица старших классов, ставшая жертвой жестокого убийства.

32

Марсель Паньоль (1895–1974) – французский драматург и кинорежиссер.

33

«Легко жить с закрытыми глазами» (англ.) – строка из песни «Битлз» Strawberry Fields Forever («Земляничные поляны навсегда»).

34

Мишель Друкер (р. 1942) – известный французский журналист, актер и телеведущий.

35

Анна-София Лапикс (р. 1972) – известная французская журналистка и телеведущая.

36

Франко-итальянский кинофильм 1972 года, режиссер Жозе Джованни.

37

Лотреамон (настоящие имя и фамилия Изидор Дюкас) (1846–1870) – французский поэт-романтик, предтеча символизма и сюрреализма.

38

Пока! (англ.)

39

Филлис Дороти Джеймс (1920–2014) – британская писательница, автор популярных детективов.

40

Респектабельный район Манхэттена.

41

Роман Гюстава Флобера (1821–1880), написанный в 1869 году.

42

Имеется в виду «История кавалера Де Грие и Манон Леско» – роман Антуана Франсуа Прево д’Энзиля (1697–1763), написанный в 1731 году.

43

Гас Ван Сент (р. 1952) – американский кинорежиссер и сценарист.

44

Имеется в виду герой трагикомедии «Сид» Пьера Корнеля (1606–1684).

45

Всеобщее социальное страхование.

46

Максим Шаттам (р. 1976) – французский писатель, мастер триллера.

47

Альбер Камю. Посторонний (перевод Норы Галь).

48

Железная дорога (ит.).

49

Французский спортивный еженедельник.

50

Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель.

51

Марка французского спортивного автомобиля.

52

Столица Французской Полинезии, расположенная на Таити.

53

Приморские дюнные низменности на юго-западе Франции, пролегающие вдоль Бискайского залива.

54

Герой одноименного американского кинофильма, вышедшего на экраны в 1972 году.

55

Ален Жербе (р. 1943) – французский писатель и джазовый критик.

56

Владимир Набоков. Машенька.

57

Мандариновый ликер.

58

Генерал Далла Чеза, префект Палермо и непримиримый борец с мафией, был убит через несколько месяцев после своего назначения вместе с женой и телохранителем. Его роль в фильме «Сто дней в Палермо» сыграл Лино Вентура. Примеч. автора.

Купить: https://tellnovel.com/giyom-myusso/devushka-i-noch

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити